

Валерий Шашин

ПРЕЗИДЕНТ ДЛЯ РОССИИ
лирическая интерактивная комедия

Москва
Издательство «БПП»
2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИЗМАЙЛОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ — главный режиссёр театра
МАША — помощник режиссёра
КЛАВДИЙ — компьютерный гений
БЕСТУЖИЙ РОДИОН РОДИОНОВИЧ — коммерческий директор театра
ЛЕВЫКИН ЯКОВ САМУИЛОВИЧ — драматург
ДАМА-ВИДЕНИЕ
ВИТЯ — сын покойного друга детства
ВИКТОРИЯ — дочь покойной возлюбленной
БУФЕТЧИЦА — буфетчица театра
ПАРТИЙНАЯ ДАМА — председатель общества бездомных животных
РАБОЧИЙ
ВТОРОЙ РАБОЧИЙ
ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА, ПРЕДСТАВИТЕЛИ СМИ, МОНТИРОВЩИКИ ДЕКОРАЦИЙ,
АКТИВНЫЕ ЗРИТЕЛИ

Место действия — театр — авансцена, зрительный зал и кабинет главного режиссёра ИЗМАЙЛОВА, декорированный в стиле XIX столетия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ИЗМАЙЛОВ, сцепив на затылке руки, сидит в глубокой задумчивости в кресле. Перед ним возникает ДАМА-ВИДЕНИЕ. Она, исчезая и появляясь, разгуливает меж декорациями, а в очередной раз вместо неё выходит МАША.

МАША (*извиняющимся тоном*). Все сидят в буфете, Георгий Константинович. Ждут.

ИЗМАЙЛОВ смотрит на потупившуюся МАШУ невидящим взором.

МАША. Это я, Георгий Константинович, я.

ИЗМАЙЛОВ (*не меняя позы*). Вижу. (*Расцепляет руки, садится прямо.*) Слушаю.

МАША. Левыкин нервничает.

ИЗМАЙЛОВ. Какой ужас! (*Помолчав.*) Хорошо, иду.

МАША понуро уходит.

ИЗМАЙЛОВ сидит неподвижно, потом рывком встаёт и выходит на авансцену. Занавес за ним опускается.

ИЗМАЙЛОВ (*в зрительный зал*). Если бы вы только знали, какую невыносимую муру нам сейчас предстоит выдержать! Пьеса называется... Впрочем, чёрт с ним с названием! Прошлый раз оно было восхитительно чудесным, в него можно было влюбиться, с ним, как под луной, стоило бы жить долго и счастливо. Теперь меня тошнит от этого ни в чём неповинного слова. Такова сила искусства драматурга Левыкина. Он — мой личный и тяжкий грех. Позапрошлым годом, когда мой театр почти умирал, он привёл спонсоров, и я купился, поставил его пьесу. Спектакль получился дрянь, но с тех пор Левыкин считает меня своим режиссёром, а театр — родным. Каждый новый опус он торжественно несёт к нам. По этому случаю в буфете выставляется угощение, и не мудрено, что среди актёров левыкинские чтения стали доброй традицией. Левыкин необычайно плодовит и беззастенчиво назойлив. Рано или поздно все его пьесы ставятся, а книги издаются. Он всюду вхож, у него влиятельные знакомства, обширные связи, и не далее как вчера он грозился привести в театр каких-то своих спонсоров. (*Помолчав.*) Мы живём не в лучшие времена, но, клянусь этими взывающими к ремонту стенами, облетевшей позолотой лож, голодными обмороками несчастных актёров, я никогда больше не буду ставить левыкинские пьесы! Сегодняшние демократические — тем более! Откуда являются ему эти сюжеты? Где он высматривает своих типов? Из каких источников черпает вдохновение? Я не ханжа, и за свои годы перевидал немало. Больше того, я служу театру и знаю, что грешен. Раскаянье моё ещё не наступило. Но людей, как в пьесах Левыкина, я никогда не встречал, желаний, как у них, ни разу не испытывал, похожих искусов не претерпевал. Подозреваю, что ничего похожего не испытывал и сам Левыкин. В сущности, он милейший тип, у него тихая жена, воспитанные дети... Но когда я говорю ему: «Яша, почему вы не пишете о нормальных людях, сейчас это уже можно»? — он смотрит на меня взглядом затравленного диссидента.

К сожалению, я не понимаю его сегодняшнего, так считает сам Левыкин. Бедолаге и в голову не приходит, что я не хочу, не желаю его понимать! Но сказать об этом я не могу. Мы — интеллигентные люди. И при всей нестыковке наших взглядов нам предписано идти на сближение друг с другом. Мы и идём. Семимильными шагами. Недавно один знакомый, которого все считают прогрессивным поэтом, подарил мне книжку своих, как он выразился, озорных стихов. Я имел глупость прочесть несколько строф, и теперь точно знаю, кто пишет на стенках в общественных туалетах. *(Делает шаг вперёд.)* Руки прочь от театра, говорю я вам, господа сортирные писаки! Руки прочь!

МАША *(выходит из-за кулисы, изумлённо)*. Вы уже и разговаривать начали?

ИЗМАЙЛОВ. Мария Львовна! Я смертельно устал от вашей неустанной опеки. Хочу и разговариваю, понятно? Ну что вам ещё, что?

МАША *(опустив голову)*. Там сейф привезли.

ИЗМАЙЛОВ. Какой сейф?

МАША *(не поднимая головы, обиженно)*. Не знаю. Настоящий!

ИЗМАЙЛОВ. Что за вздор! В конце концов, вы — мой первый помощник. Можно сказать, второе лицо! Неужели нельзя разобраться самостоятельно? Ведь это же явная чепуха, ошибка!

МАША. Адрес наш. И получатель тоже... вы... Георгий Константинович Измайлов.

ИЗМАЙЛОВ. Я?!

МАША. Рабочие требуют, чтобы вы расписались в получении.

ИЗМАЙЛОВ. Не собираюсь я ни в чём расписываться! *(Остывая.)* Ну хорошо, хорошо! Скажите Левыкину, чтоб начинал без меня.

МАША. Он не начнёт. Будет вас дожидаться.

ИЗМАЙЛОВ *(вздывая руки)*. О, Боже! Вы хоть знаете про что эта пьеса?

МАША. Кажется, о выборах президента.

ИЗМАЙЛОВ. Этого нам ещё не доставало! Ну и что вы тогда стоите? За мной!

Уходят.

Занавес открывается, за ним кабинет ИЗМАЙЛОВА, посреди которого стоят сейф и двое в рабочих комбинезонах.

Входят ИЗМАЙЛОВ, МАША.

ИЗМАЙЛОВ. Так, что тут у нас? Сейф? Действительно. *(РАБОЧИМ.)* Здравствуйте, господа!

РАБОЧИЙ. Господа — в Париже. Измайлов Г. К. вы будете?

ИЗМАЙЛОВ. Ну, я!

РАБОЧИЙ *(подаёт квитанцию)*. Распишитесь в получении.

ИЗМАЙЛОВ *(складывает на груди руки)*. Не буду! Груз доставлен не по назначению.

РАБОЧИЙ *(читает квитанцию)*. Гранд-театр. Соборная площадь, 26. Главному режиссёру Измайлову Г.К.

МАША. Но мы не заказывали!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Это нам по барабану.

ИЗМАЙЛОВ. Что, значит, по барабану?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. А то и значит. Измайлов Г.К. — вы?

ИЗМАЙЛОВ. Я...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Вот и расписывайтесь лучше!

МАША. Почему вы нам угрожаете?!

РАБОЧИЙ. Расписывайтесь, расписывайтесь!

ИЗМАЙЛОВ. Ничего не понимаю. *(Расписывается.)*

РАБОЧИЙ *(убирая квитанцию; НАПАРНИКУ.)* Ушли?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Пускай ещё за ручку подёргает.

РАБОЧИЙ. А он разве не дёргал ещё? *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Что же вы? Дёргайте!
(Дёргает за ручку сейфа.) Вот так!

ИЗМАЙЛОВ. Зачем?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Да вы дёргайте, вам говорят!

ИЗМАЙЛОВ. Что за вздор?!

Дёргает за ручку.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Ну?

ИЗМАЙЛОВ. Что ну?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Не открывается?

ИЗМАЙЛОВ. Вроде бы, нет. *(Дёргает за ручку ещё раз.)* Нет!

РАБОЧИЙ. Значит, заперто.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Ушли!

Направляются к выходу.

МАША. А как же им пользоваться? Ключи?..

РАБОЧИЙ *(на ходу)*. Наше дело — доставка. А вообще-то, он голосовой.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Без ключа открываться может.

РАБОЧИЙ. Шепнёте в микрофон: «сим-сим»...

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Он бац и откроется.

РАБОЧИЙ. А там миллион!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Или бомба.

РАБОЧИЙ. Нам по барабану.

Уходят.

ИЗМАЙЛОВ и МАША остаются наедине с сейфом.

ИЗМАЙЛОВ. Ничего не понимаю! *(Обходит вокруг сейфа; в микрофон.)* Сим-сим!
(Дёргает за ручку.) Чепуха какая! Что это всё значит, а?

МАША. Может, его из Союза театральных деятелей прислали?

ИЗМАЙЛОВ. Зачем?

МАША. Ну... чтобы документацию хранить... или...

ИЗМАЙЛОВ. Вздор это, Маша, вздор! Несусветная чушь и глупость! Неужели вы сами не понимаете?

МАША. Ну, может, тогда...

Входит БЕСТУЖИЙ.

БЕСТУЖИЙ *(увидев сейф)*. О, о... Очей очарованье! *(Обходит вокруг.)* Откуда дровишки, ежели не секрет?

ИЗМАЙЛОВ. Да уж видно, не от ваших стараний, господин коммерческий директор!
 БЕСТУЖИЙ. Стараемся, Георгий Константинович, как могём, изо всех худосочных сил наших. *(Гладит любовно сейф.)* Солидный агрегат. Прямо-таки поневоле преклонение вызывает. Откуда же взялся, а?

ИЗМАЙЛОВ. Сами гадаем. *(Хлопает по сейфу.)* Уж не от Левыкина ли!?

БЕСТУЖИЙ. Как? Вы хотите сказать, что этот почтенный дядя уже от Яши?

ИЗМАЙЛОВ. Грозился же спонсоров привести.

БЕСТУЖИЙ. Грозился! *(Ходит вокруг сейфа и оглаживает его.)* Ай да, Яшенька, ай да, молодца! Настоящий евреец — уважаю! *(ИЗМАЙЛОВУ с МАШЕЙ.)* И сколько же там в него интересно положено? Клянусь, это будет наша большая коммерческая тайна.

ИЗМАЙЛОВ. Сколько положено и положено ли что вообще — неизвестно. Ключей нет, какая-либо прочая информация тоже отсутствует.

БЕСТУЖИЙ. Так, так, так! Инкогнито значит. *(Ощупывает сейф.)* Нет, этого я долго не выдержу. Велите подать автоген! Я сам вспорю брюхо этому обольстительному красавцу!

ИЗМАЙЛОВ. Только без балагана!

БЕСТУЖИЙ. Ах, да, извините, забылся! Это же не наш стиль... *(Принимает театральную позу.)* «Дорогой, многоуважаемый сейф! Приветствую твоё существование, которое выведет нас к светлым идеалам добра и справедливости»...

ИЗМАЙЛОВ. Никудышный из тебя Гаев.

БЕСТУЖИЙ. Спасибо! Доброго слова от вас давно не жду, правый жёлтый в угол. Ну, не Качалов, нет! Что ж теперь, застрелиться и не жить?

ИЗМАЙЛОВ. Ну, хватит, хватит глупостей! Что делать будем — вот вопрос?

БЕСТУЖИЙ. Никакого вопроса, ни малейшего! Во-первых, задвинем этого толстячка от лишних глаз за ширмочку! *(Налегает на сейф, ИЗМАЙЛОВ И МАША помогают.)* Во-вторых, Левыкина, еврюшеньку нашего дорогого, теперь надо облизывать с головы до самых пяток! А в третьих, действовать применительно к разворачивающимся обстоятельствам. *(Дёргает за ручку.)* Шифр, конечно, неизвестен?

ИЗМАЙЛОВ. Сказали, на голос открывается. Микрофон видишь?

БЕСТУЖИЙ. Вот эта решётка?

Стучит по решётке.

ИЗМАЙЛОВ. Шепнёшь туда заветное словцо, «сим-сим», например, дверца бац и откроется.

БЕСТУЖИЙ. Сим-сим!

ИЗМАЙЛОВ. Шустрый какой! Сим-сим не подходит.

БЕСТУЖИЙ. Так! Сколько слов в русском языке?

МАША *(глядя в проход)*. Ещё идут... с коробками...

БЕСТУЖИЙ загоразживает сейф ширмой.

Входят двое РАБОЧИХ с коробками и КЛАВДИЙ.

КЛАВДИЙ. Ставьте сюда. Отлично! Только ничего не говорите — за молчание плачу! Вот... пожалуйста... *(Расплачивается с РАБОЧИМИ.)* И до свидания, до свидания, господа!

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ *(складывая деньги)*. Господа у нас в Думе заседают.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ. Вместе с товарищами.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ (*убрав деньги в карман*). Ушли!

Уходят.

КЛАВДИЙ. Этот рабочий класс такой умный! Заговорил с ними и чувствую — полный кенсул! (*Встревожено.*) А где ноутбук? (*Успокоено и любовно.*) Вот он, родимый!

Поднимает коробку, рассматривает.

ИЗМАЙЛОВ (*показывая на коробки*). Что это?

КЛАВДИЙ. Железо, софт, аксессуары.

БЕСТУЖИЙ. Аксессуары! До чего же приятное слово. Аксессуары! Даже по спине мурашки.

КЛАВДИЙ (*осматриваясь*). А вот о мебели я как-то не подумал.

Задумывается.

МАША. Вы из Союза театральных деятелей?

КЛАВДИЙ. Я? Нет, я не из театральных деятелей. Я — программист. Меня зовут Клавдий.

БЕСТУЖИЙ. Какое римское имя — Клавдий!

КЛАВДИЙ. Имя-то римское, а вот устанавливаться у вас, я смотрю, не на чем. Разве что на этом антиквариате?

Показывает на стол ИЗМАЙЛОВА.

МАША. Это стол Георгия Константиновича!

БЕСТУЖИЙ (*ИЗМАЙЛОВУ горячо*). Они хотят у нас офис развернуть — пусть! (*КЛАВДИЮ.*) Ай сори, Клавдий... Парлемо, так сказать, итальяно... (*Протягивает руку.*) Родион Бестужий. Коммерческий директор Гранд-театра.

КЛАВДИЙ. Очень приятно. А вы, похоже (*взирает на ИЗМАЙЛОВА*), Георгий Константинович?

ИЗМАЙЛОВ. Очень похоже?

КЛАВДИЙ. Не сердитесь, но до прихода Вити абсолютно нет смысла с вами разговаривать. (*МАШЕ.*) Хотите полюбоваться ноутбуком?

МАША. Ноутбуком?

КЛАВДИЙ. В нём устройство для беспроводного модема. Вставляете карточку в порт, и вы — в Интернете! Представляете? Я этого еще никогда не пробовал, и, честно признаться, мне ужасно не терпится распаковаться. (*Начинает открывать коробку.*) А то появится Витя, начнутся разговоры, уговоры, договоры...

БЕСТУЖИЙ. Нон проблем — распаковывайтесь! (*ИЗМАЙЛОВУ умоляюще.*) Не возражайте! Можно я у вас рюмашку дерябну? А то, неровен час, спекусь от напряжений.

Отходит к бару.

МАША. Коньяк не трогайте!

КЛАВДИЙ. Вот он какой! (*Вынимает ноутбук.*) Нравится?

МАША. Очень симпатичный!

БЕСТУЖИЙ. Сори итальяно, Клавдий... А Виктор, которого мы все тут с нетерпением поджидаем, он по жизни кто будет? Бизнесмен?

КЛАВДИЙ. Понятия не имею, как он вам представится. *(МАШЕ.)* Открывается вот так...

МАША. Как интересно... А сейф тоже от вас?

ВИТЯ. Сейф? А он разве прибыл?

БЕСТУЖИЙ. А как же?! Алле!..

Артистическим жестом убирает ширму.

За ней стоит ВИТЯ, одетый с необычайным изыском.

КЛАВДИЙ. Витя!.. А я уже начал устанавливаться.

ВИТЯ. Отлично, Клавдий! Здравствуйте, господа!

БЕСТУЖИЙ *(поражённо)*. Ага.

МАША *(ВИТЕ)*. Как вы там оказались? За ширмой?

ВИТЯ. Ради Бога, простите! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Вы, разумеется, удивлены...

ИЗМАЙЛОВ. С чего вы взяли? Нисколько! *(Складывает на груди руки.)* Я уже давно вас поджидаю.

ВИТЯ. Как? Он предупредил?!

ИЗМАЙЛОВ. Молодой человек! Меня уже давным-давно ни о чём предупреждать не надо. Вам нравятся пьесы Левыкина? Пожалуйста! На здоровье! Но в моём театре — слышите, в моём! — их ставить не будут. Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Входит ЛЕВЫКИН и, поражённый, застывает.

МАША испуганно вскрикивает.

ИЗМАЙЛОВ *(не замечая вошедшего)*. И не нужно этих нервных вскриков. Пишите приказ. *(Диктует.)* С сегодняшнего дня все левыкинские чтения отменяются. Раз и навсегда. Всё. *(Гулко хлопает в ладоши.)* Кончено с Левыкиным!

Потирает руки, оборачивается и видит ЛЕВЫКИНА.

ЛЕВЫКИН. За что?!

Привычно хватается за сердце.

ИЗМАЙЛОВ. А, чёрт!..

МАША *(ЛЕВЫКИНУ)*. Только не волнуйтесь! *(Наливает в стакан воду, несёт ЛЕВЫКИНУ.)* Валокордин с собой?

ЛЕВЫКИН *(машинально ощупывает карманы)*. Всегда с собой! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Почему кончено? Я не понимаю...

БЕСТУЖИЙ *(порывисто)*. Яков Самуилович, родной!.. *(Обнимает ЛЕВЫКИНА.)* Не кончено! Наоборот! Всё с колёс пойдёт, с колёс!

ЛЕВЫКИН. Мы ждём в буфете... Артисты голодные... А тут...

ИЗМАЙЛОВ. Дайте!

Берёт из МАШИНЫХ рук воду, пьёт.

БЕСТУЖИЙ (*ВИТЕ и КЛАВДИЮ*). Господа, это маленькое недоразумение... Георгий Константинович просто мило шутит!

ЛЕВЫКИН. Разве такими вещами шутят — отменить чтения? Нет уж, пардон... Я требую объяснений. Причём немедленно!

МАША. Только не волнуйтесь! (*Успокоительно.*) Таблетки при вас, значит, всё будет в порядке...

ИЗМАЙЛОВ. Возьмите. (*Возвращает МАШЕ стакан, обращается к ЛЕВЫКИНУ.*) Вы получите объяснения... Я давно должен был положить конец, но... (*Разводит руками.*) Вы — не наш автор, Яков Самуилович.

ЛЕВЫКИН. А чей же?!

ИЗМАЙЛОВ. Вернее, я не ваш режиссёр.

ЛЕВЫКИН (*горько*). Я принёс этому человеку известность! С моей пьесы его заметили (*ИЗМАЙЛОВУ*), вы блеснули! А ведь это была далеко не лучшая моя пьеса, написанная, признаюсь, вполсилы. Теперь же, когда я наконец-то полностью раскрепощён и свободен, вы говорите, что я не ваш автор?

БЕСТУЖИЙ. Наш! Наш! Гений вы наш неиссякаемый! Благодетель!

ЛЕВЫКИН. Я, конечно, не гений, но в отличие от некоторых пока ещё творю, можно сказать, ищу и дерзаю. (*ИЗМАЙЛОВУ.*) Тогда как некоторые, — я это вынужден с прискорбием констатировать, ибо это не только моё мнение — остановились, выдохлись, иссякли!

МАША. Неправда! У нас как раз появилось свежее решение «Дяди Вани»!

БЕСТУЖИЙ. Ещё?!

ИЗМАЙЛОВ. Никогда не поощряйте бездарность! Рано или поздно она вам отомстит. Опустит до своего уровня или посмотрит свысока. (*ЛЕВЫКИНУ.*) Не надо лишних слов, Яков Самуилович. Мы объяснились — прощайте!

БЕСТУЖИЙ (*хватается за ЛЕВЫКИНА*). Но пассаран, ай сори! Не прощайте! (*ИЗМАЙЛОВУ.*) Артисты сидят в буфете! Голодные!

ЛЕВЫКИН. Не переживайте, мой друг. Я накормлю голодных. (*ИЗМАЙЛОВУ.*) Я! Не вы! И не прощайте! Отнюдь! Это не только ваш театр, не только!

Уходит, грозя пальцем.

КЛАВДИЙ (*МАШЕ, не отрываясь от настройки ноутбука*). У вас всегда так весело?

МАША. А вам весело?

КЛАВДИЙ (*набирает что-то на клавиатуре*). Да! Мне весело и хорошо. Почти как в театре!

БЕСТУЖИЙ. Кому-то в театре, может, и весело, но голодным артистам, которые сидят в буфете...

ИЗМАЙЛОВ. Хватит, чёрт подери! Мария Львовна, распорядитесь, чтобы всех немедленно гнали вон!

БЕСТУЖИЙ. Артистов?! Из буфета?!

ИЗМАЙЛОВ. Пусть отправляются домой! К жёнам! Мужьям! Детям!

МАША. Как же я скажу?.. Они не послушаются...

ИЗМАЙЛОВ. Что?! (*Сдержавшись.*) Хорошо, я сделаю это сам. А вы, уважаемая Мария Львовна, хотя бы потрудитесь проследить, чтобы к моему возвращению здесь не осталось ни одного постороннего аксессуара!

Уходит.

МАША. Георгий Константинович!..

Убегает следом.

БЕСТУЖИЙ (*растерянно*). Артисты сидят в буфете, голодные, понимаешь ли...

КЛАВДИЙ (*не отрываясь от компьютера*). Холодные!

ВИТЯ. Клавдий! Это не остроумно. (*БЕСТУЖЕМУ.*) Если позволите... (*Вынимает из сумочки кошелёк.*) Мне будет очень приятно угостить ваших артистов. (*Раскрывает кошелёк.*) Возьмите сколько нужно...

КЛАВДИЙ. А сколько нужно?

БЕСТУЖИЙ (*завороженный раскрытым кошельком*). В кредит, да?

ВИТЯ. Зачем же в кредит? Так берите...

КЛАВДИЙ. На добрую память.

БЕСТУЖИЙ (*преодолев соблазн, отводит руку*). Спасибо, не надо.

ВИТЯ. Почему? Я же от чистого сердца...

БЕСТУЖИЙ. У вас там одна зелень сотенная... и вообще...

ВИТЯ. Вас смущают доллары? К сожалению, рублей у меня нет.

БЕСТУЖИЙ. Доллары нас не смущают. Дайте мне сегодня десять тысяч, я вам завтра мильён верну. Запросто! Пораскиньте сами: у нас прекрасный зал, великолепная труппа! Звёзд, что на южном небосклоне! А мы — в полном нокауте. Сидим при своих богатствах... как бедные сёстры в саду у дяди Вани!

КЛАВДИЙ (*сам с собой*). Вот так модемчик, чтобы я сдох!

БЕСТУЖИЙ. Просто, как чайки с подрубленными крыльями! Никто не знает, что делать! А разве это вопрос? Вы вдумайтесь: у нас в стране — и кризис, безработица?! Ладно, на диком Западе, там всё уже давным-давно переделали и теперь мучаются, чем бы еще друг друга удивить. Но у нас? Какая, к чертям собачьим, безработица? Да нам ещё ворочать не переворочать, а господа-правители работы не находят! Это что же за политика такая, а?

КЛАВДИЙ. Что творится-то! (*Подходит с ноутбуком.*) Витя, взгляни... Я воткнул модем, установил скрипты и сразу законектил! С первой попытки!

БЕСТУЖИЙ (*отстраняет КЛАВДИЯ*). Но мы поломаем эту фишку! Измаил нам не помеха. Мы уберём его, как лишнего ферзя! Коллектив встанет за нас! Ручаюсь!

КЛАВДИЙ. Посмотри, какая скорость!

БЕСТУЖИЙ (*отводит ВИТЮ от КЛАВДИЯ*). И всё будет в полном шоколаде, театр будет наш!

Входит расстроенная МАША.

БЕСТУЖИЙ. Прогнал?

КЛАВДИЙ (*глядя в компьютер*). Вот чешет, а!

МАША (*убито*). Меня-то уж — точно.

КЛАВДИЙ. Нет, вы только поглядите! (*МАШЕ.*) Это же чудо!

Подсовывает ноутбук, в который она тупо и без интереса смотрит.

БЕСТУЖИЙ (*ВИТЕ*). Поняли теперь, какая наша жизнь? Нет, Левыкин абсолютно прав — пора кончать с диктатурой Измаила! А то нас всех на вишнёвое повидло изведут!

МАША. Замолчите, вы! Он вам — не Измаил!

ВИТЯ (*ласково*). Не огорчайтесь, Машенька!

МАША. Он иногда так кричит на меня... *(Всхлипывает.)* Велел, чтобы вас тут тоже не было.

КЛАВДИЙ *(вальсирует с ноутбуком)*. А нас тут и нет. Мы — в Интернете!

БЕСТУЖИЙ. Мы в полнейшей жо...

МАША *(топает ногой)*. Не смейте настраивать коллектив против Георгия Константиновича! И не выражайтесь!

КЛАВДИЙ *(отчаянно)*. О чём вы?! Только посмотрите: телефонных проводов нет, ничего нет, а мы — в Интернете! *(МАШЕ.)* Разве это не замечательно?

МАША. Может быть! Но я попрошу всех покинуть кабинет. С коробками и сейфом!

БЕСТУЖИЙ. Вот вы перед ним стелетесь, а он натешится вами и бросит!

МАША. Пусть натешится! Что? Что вы сказали?

Идёт на БЕСТУЖЕГО.

БЕСТУЖИЙ *(пятясь)*. Измаилу никто не нужен, никто!

МАША. Неправда!

Закрывает лицо руками, плачет.

БЕСТУЖИЙ. Он же издевается над вами!

ВИТЯ. Это жестоко! *(Легко обнимает МАШУ.)* Не плачьте, Машенька, успокойтесь.

КЛАВДИЙ. Любить — это так здорово!

Входит ИЗМАЙЛОВ. При виде обнявшихся ВИТИ и МАШИ теряет дар речи и смотрит то на них, то на БЕСТУЖЕГО, то на КЛАВДИЯ.

БЕСТУЖИЙ. А вот и Георгий Константинович возвратились... собственной персоной!

МАША *(обнаруживая себя в объятьях ВИТИ)*. Ой! *(Отшатывается. ИЗМАЙЛОВУ.)* Извините, пожалуйста!

ИЗМАЙЛОВ. Почему это я должен вас извинять? Нет, это вы меня извиняйте!

ВИТЯ. Перестаньте! *(Грозит ИЗМАЙЛОВУ пальцем.)* Ваша ирония неуместна и глупа! Она вас недостойна!

ИЗМАЙЛОВ. Вы — мне?! *(Рассматривает ВИТЮ.)* Что ж, это даже и забавно.

ВИТЯ. Но не настолько, насколько вы полагаете!

ИЗМАЙЛОВ. Молодой человек!..

ВИТЯ. Не перебивайте меня!

ИЗМАЙЛОВ. Нет уж, позвольте перебить! Я старше вас на половину жизни, и я на своей территории. И хотя вы завалили её всякими глупыми аксессуарами, распоряжаюсь здесь пока я! И, чёрт меня подери, если кто-то вздумает угрожать мне!

ВИТЯ *(оробев)*. Я не угрожаю вам, Георгий Константинович.

КЛАВДИЙ. Не надо ругаться, мы — в Интернете!

ИЗМАЙЛОВ. В Интернете?! *(Взрывается.)* По барабану мне ваш Интернет! И все ваши сейфы тоже по барабану!

БЕСТУЖИЙ. Вам, Георгий Константинович, к сожалению, не только Интернет по барабану — достижение нашей, можно сказать, передовой научно-технической мысли — вам, ещё и живые люди по фигу. Артисты сидели-сидели и...

ИЗМАЙЛОВ. Заткнись! Сидят твои артисты!

БЕСТУЖИЙ. Сидят?

ИЗМАЙЛОВ. Слушают очередную левыкинскую чушь и уплетают закуски под «Напареули»!

БЕСТУЖИЙ (*сглатывает слюну*). Под «Напареули»?

МАША (*радостно*). Вы отменили приказ?

ИЗМАЙЛОВ. Приказ я не отменил, но и прогнать Левыкина, к сожалению, тоже не решился.

БЕСТУЖИЙ. И правильно сделали! (*Обнимает ИЗМАЙЛОВА, шепчет в ухо.*) Витю я уже почти обработал! Этот голубец — мой! (*Громко.*) Господа! Пойдёмте лучше в буфет, а то там всю пьесу без нас дочитают!

КЛАВДИЙ. Под Напареули.

БЕСТУЖИЙ. Ага! Пойдёмте? (*ВИТЕ кокетливо.*) Вы обещали мне открыть кредитную линию!

ВИТЯ. Я помню... Но прежде... мне хотелось бы поговорить с Георгием Константиновичем...

КЛАВДИЙ. Давно пора. (*ИЗМАЙЛОВУ.*) Вот вы сказали, Интернет вам по барабану. Допустим! А вот посмотрите: телефонных проводов нет, ничего нет, а мы — в Интернете! Вам это тоже по барабану?

ИЗМАЙЛОВ. Может, перейдём к делу? Мне, простите, работать надо!

БЕСТУЖИЙ. А то неровён час вишнёвый садик зачахнет.

МАША. Да как вы смеете?!

БЕСТУЖИЙ (*падает на колени*). Сорвалось!

ИЗМАЙЛОВ (*ВИТЕ*). Я жду, молодой человек, жду!

ВИТЯ. Я готов... Только, видимо, теперь придётся начать с того, что к драматургу Левыкину я не имею ни малейшего отношения.

БЕСТУЖИЙ. Ни малейшего?

ВИТЯ. Не хотелось вас огорчать, но...

Разводит руками.

БЕСТУЖИЙ. А я почему-то сразу так и подумал! (*Поднимается с колен.*) Какой, думаю, к чертям собачьим, Левыкин, кому, думаю, интересна его писня?

МАША. Вы же его хвалили?! Только что!

БЕСТУЖИЙ. Вы ему тоже воду подносили!

МАША. У него же сердце!

ИЗМАЙЛОВ. И меня сейчас кондратий хватит. (*ВИТЕ.*) Если вы не с Левыкиным... то, кто же вы?

БЕСТУЖИЙ. Таинственный и прекрасный пришелец!

ВИТЯ. Вы нарочно так говорите, да?

БЕСТУЖИЙ. Вам это неприятно?

ВИТЯ. Нет, но...

БЕСТУЖИЙ. Значит, отнюдь?

ИЗМАЙЛОВ. Прекратите эти педерастические штучки! (*ВИТЕ.*) Кто вы такой, чёрт вас подери?

ВИТЯ. Извините... Дубарев... Вам это о чём-то говорит?

ИЗМАЙЛОВ. Хотите сказать, что имеете какое-то отношение к Валентину Дубареву?

ВИТЯ. Я его сын.

ИЗМАЙЛОВ. Сын?!

ВИТЯ. Представляете?..

ИЗМАЙЛОВ. Дубаря?! Не может быть!

Вглядывается в ВИТЮ.

ВИТЯ. Тем не менее, это так.

БЕСТУЖИЙ. Дубарь?.. Дубарев?.. Это не тот, который недавно дуба дал? *(Получает тычок от МАШИ.)* «Роснега» который?..

ВИТЯ. Он самый... и Дубарь, и Роснега, и дуба...

ИЗМАЙЛОВ. Значит, это я тебя нёс из роддома? Витя?! Ну да, конечно! Виктор! Победитель! Именно так он тебя и назвал! Витя... *(Смотрит на ВИТЮ.)* На отца ты не похож, Витя, совсем не похож.

ВИТЯ. Спасибо. Если честно, это был бы сомнительный комплимент.

ИЗМАЙЛОВ *(вглядываясь)*. Ты, Витя, да, больше — мама... Извини, конечно... Те же глаза, овал... губы... *(Едва не дотронувшись рукой.)* Удивительно!

КЛАВДИЙ. Удивительно другое. На ваших глазах демонстрируется техническое чудо, а никто из вас не то чтобы не оценил, а даже и не среагировал адекватно!

БЕСТУЖИЙ. Ну и что там у вас в Интернете хорошего? *(Заглядывает в ноутбук.)* А!.. Всё по-иностранному!

ВИТЯ *(ИЗМАЙЛОВУ)*. Мне поговорить с вами нужно... С глазу на глаз.

БЕСТУЖИЙ. А помянуть-то... отца-батюшку? Это какой же человек-то был Дубарь... Настоящий олигарх! Царствие ему небесное!

ВИТЯ *(нерешительно)*. Это, в общем-то, и необязательно, наверное?..

БЕСТУЖИЙ. Как это необязательно? Что ж мы, нехристи, что ли, какие?

Подходит к бару.

МАША. Учтите, у вас завтра утренник! *(Отодвигает БЕСТУЖЕГО. ВСЕМ.)* Коньяк, водка?..

КЛАВДИЙ. Мне ни того и ни другого.

БЕСТУЖИЙ. А помянуть-то... отца товарища?..

КЛАВДИЙ. Память — здесь. *(Показывает на голову.)* А протоплазматическим ядом нервно паралитического действия, каковым является водка, отравляться не стоит.

БЕСТУЖИЙ. А разве водка — яд?

КЛАВДИЙ. Сорокапроцентный. И коньяк, кстати, тоже.

ВИТЯ. Ну что ты всех пугаешь?

БЕСТУЖИЙ. Да нас этим не запугаешь! *(Берёт с подноса рюмку.)* Яд, говорите? Сорокапроцентный? Сейчас испытаем...

МАША. Хоть бы сразу подействовал!

ИЗМАЙЛОВ. Тихо! *(Встаёт.)* Что ж, помянем Валентина. Откровенно сказать, последние годы друзьями мы не были, но...

БЕСТУЖИЙ. Всё равно — земля ему, как говорится, прахом! То есть — пухом! Мягкая, значит... чтоб...

МАША. Да замолчите же! *(ВИТЕ.)* Царствие ему небесное.

ВИТЯ. Спасибо, Машенька.

ИЗМАЙЛОВ. Да, вот так вот... *(Опрокидывает в себя рюмку.)* Сто лет жить собирался...

ВИТЯ. А умер в три месяца... на моих руках... Захрипел, вытянулся... *(Вытирает платочком выступившие слезы.)* Простите, ради Бога...

ИЗМАЙЛОВ. Ничего, ничего.

БЕСТУЖИЙ. Надо бы ещё по одной, раз такое дело... А то живёшь, живёшь!..

Берётся за бутылку.

МАША. Вам же на утреннике завтра выступить!

БЕСТУЖИЙ. Какие проблемы? Если до утра яд не подействует — выступим!

ВИТЯ. Мы с ним никогда не ладили. Но перед смертью... *(Смотрит на ИЗМАЙЛОВА.)* Он смягчился и всё осознал, понял... Я его тоже... простил. Хотя он практически разлучил нас с мамой. Да вы знаете, наверное...

ИЗМАЙЛОВ. Он считал, что тебе необходимо суровое мужское воспитание.

КЛАВДИЙ. Пестолоций из него был никудышный.

ВИТЯ. Я так страдал. Мама страдала, вы... Мы все страдали, все! Я думал, никогда не прощу ему, никогда! Особенно, когда мамы не стало.

ИЗМАЙЛОВ. Ну, хватит, хватит!

ВИТЯ. Извините... Я привёз ваши к ней письма... и её миниатюру. Вот... *(Вынимает из портфеля портрет в рамке, подаёт.)* Она хотела, чтобы это было у вас.

ИЗМАЙЛОВ. Спасибо.

Смотрит на портрет.

БЕСТУЖИЙ. Раз такое дело, то помянем и мамочку. *(Берётся за бутылку, опасливо косясь на МАШУ.)* Кстати, перед портретом можно и рюмочку нолитую поставить. *(Наполняет две рюмки, идёт к ИЗМАЙЛОВУ.)* Хлебца только вот нет, накрыть чтоб... *(Заглядывает на портрет, поражённо.)* Это она такая красивая была?

ВИТЯ. Вам нравится?

БЕСТУЖИЙ *(искренне)*. Я мог бы умереть у её ног.

ВИТЯ. Правда? Я вам очень благодарен за это.

ИЗМАЙЛОВ. Ну, хватит!

Намеривается спрятать портрет в стол.

МАША *(просительно)*. Разрешите?..

ВИТЯ *(опережая ИЗМАЙЛОВА)*. Ну, конечно же, Машенька! Пожалуйста...

ИЗМАЙЛОВ. Натё!

Суёт портрет МАШЕ, отходит.

МАША *(вместе с БЕСТУЖИМ рассматривая портрет)*. Красивая. Очень!

БЕСТУЖИЙ. Такая красота не должна умирать. Это несправедливо.

ИЗМАЙЛОВ *(забирает миниатюру)*. Мария Львовна, соблаговолите сопроводить господина коммерческого директора куда-нибудь подальше философствовать *(убирает миниатюру в стол)*, а заодно и гостя нашего ознакомьте с театром...

ВИТЯ. Клавдий остаётся! У нас нет секретов... он мне как брат...

БЕСТУЖИЙ. Так мы, вроде, тоже... братья и сёстры... Мария Львовна... вообще своя в доску, и я, значит, тоже... за Георгия Константиновича хоть в огонь, хоть в воду.

КЛАВДИЙ. Особенно в огненную.

БЕСТУЖИЙ. Да хоть в какую! *(Поднимает рюмку.)* Будем!

МАША. Вам же выступить!

Отбирает рюмку.

БЕСТУЖИЙ. Куда отбирать-то? У меня же рефлекс уже пошёл! Слюноотделение!..

МАША. Вот и хорошо! *(Толкает БЕСТУЖЕГО к выходу.)* Слюну свою и глотайте...

ВИТЯ. Извините меня, Машенька...

МАША. Ну о чём вы говорите! *(БЕСТУЖЕМУ.)* Ну, пошли же, пошли!

БЕСТУЖИЙ *(упираясь)*. Я к тому, что ежели по коммерческой части что обмозговать надобно, то наш Георгий Константинович не копенгаген, а я специалист неограниченного кругозора...

МАША. Да, пойдёмте же, специалист!

Тянет за рукав.

БЕСТУЖИЙ. Айн момент, Мари! *(Вырывается и подхватывает рюмку. ВИТЕ.)* Разрешите, за приятное знакомство? И с надеждой на перспективное продолжение!

МАША. Вам же выступать утром!

Пытается отобрать рюмку.

БЕСТУЖИЙ. Выступим! *(Опрокидывает в себя рюмку.)* Ах! *(Протягивает ВИТЕ руку.)* Я буду в буфете! Буду ждать вас! Надеяться! Верить! Вы не обманите моих ожиданий, нет?..

ВИТЯ. Если получится. *(Подает БЕСТУЖЕМУ руку.)* Не сердитесь на меня, пожалуйста...

БЕСТУЖИЙ. Я?! На вас? Да никогда в жизни!

Внезапно подносит руку ВИТИ к своим губам, порывисто целует и уходит.

МАША. Он пьян! Простите!..

Уходит следом.

ИЗМАЙЛОВ. Чёрт знает что! Совсем уже ошалел!

КЛАВДИЙ. Хорошо, что не укусил.

ВИТЯ *(поглаживая руку)*. Не будем смеяться, ладно?

ИЗМАЙЛОВ. Это на него так сейф подействовал. На всё готов ради денег!

ВИТЯ. От денег он отказался.

КЛАВДИЙ. Не совсем. Дайте мне, говорит, сегодня десять тысяч, и я вам мильён верну. Завтра.

ИЗМАЙЛОВ. Ни в коем случае не имейте с ним дела. Продаст, предаст, пропьёт!

ВИТЯ. Как вы, однако, суровы. Мне показалось, в нём есть искренность, страсть...

ИЗМАЙЛОВ. К халяве! Не зря его в театре Бесстыжим зовут. Всё! Конечно с Бесстыжим. Давайте-ка лучше о деле, а то, признаться, я себя полным идиотом чувствую.

ВИТЯ *(КЛАВДИЮ)*. Может быть, ты начнёшь? Я немного взволнован...

КЛАВДИЙ. С удовольствием! *(Подходит с ноутбуком к ИЗМАЙЛОВУ.)* Пощупайте, совсем не греется. Ах да, вам же это всё по барабану!

ИЗМАЙЛОВ. Ну что вы прицепились? Это, вообще, не моё выражение.

ВИТЯ. Клавдий, уймись, пожалуйста, с Интернетом! Не время.

КЛАВДИЙ. Окей (*прикрывает крышку компьютера*), кенсул! Однако должен предупредить вас, уважаемый Георгий Константинович, что сейчас вы почувствуете себя ещё большим идиотом...

ВИТЯ. Позволь лучше я сам... (*Помолчав.*) От отца много чего осталось, Георгий Константинович... Роснега, кое-что ещё... Если говорить откровенно, это астрономический капитал. В настоящее время преобладающая его часть принадлежит мне, как прямому и единственному наследнику, но удержать и тем более управлять им я не в состоянии.

КЛАВДИЙ. Нечего и пытаться.

ВИТЯ. Я и не хочу пытаться. Но и отдать в другие руки было бы глупо и несправедливо.

КЛАВДИЙ. Вы, разумеется, представляете, чьи это будут руки?

ИЗМАЙЛОВ. Я пока ничего не представляю.

ВИТЯ. Поверьте, я достаточно отчётливо осознаю, каким образом этот капитал был нажит.

КЛАВДИЙ. Мягко сказано!

ВИТЯ. Безусловно. Ограблена Россия. Более того, ограбление продолжается, и с каждым днём Роснега становится всё богаче, а народ всё беднее. Если бы наше государство было разумным и порядочным, если бы оно было государством для людей, а не для проходимцев, то можно было бы легко положить этому конец, но...

КЛАВДИЙ. Об этом и говорить нечего. Согласны?

ИЗМАЙЛОВ. Я слушаю, слушаю!

ВИТЯ. К сожалению, невозможно поступить и по высшей справедливости, скажем, раздать всё добро нуждающимся людям, детским организациям, больницам, монастырям. Силы, которые представлял отец, этого, разумеется, не позволят. В сущности, я — калиф на час, и при первой возможности меня просто-напросто уничтожат.

КЛАВДИЙ. Это уж точно!

ВИТЯ. С одной стороны, мне, конечно, ужасно страшно, а с другой, мой отец — Дубарь, и я, плохая ли хорошая, но плоть его, и я не хочу ни сдаваться, ни вымалывать себе унижительные условия. Но и владеть Роснегой в ущерб России тоже не хочу. Поэтому мы должны найти человека, который мог бы распорядиться принадлежащими мне капиталами с наилучшей для нас и России пользой.

КЛАВДИЙ. Как вы понимаете, таким человеком в стране может быть только президент. Причём — не настоящий, а будущий.

ВИТЯ. Поэтому мы и пришли к вам, Георгий Константинович.

ИЗМАЙЛОВ. Подождите... Вы, что же, хотите, чтобы президентом стал я?

КЛАВДИЙ (*ВИТЕ*). Неожиданный поворот! (*ИЗМАЙЛОВУ.*) А вы бы хотели?

ИЗМАЙЛОВ. Я как-то не думал об этом. Гм! Да нет, пожалуй... Категорически нет!

ВИТЯ. Вот и, слава Богу!

КЛАВДИЙ. Не спешите! (*ИЗМАЙЛОВУ.*) А что вас смущает? Не чувствуете себя достойным?

ИЗМАЙЛОВ. Если угодно, то — да! И не будем проводить параллели! России с президентами не везёт, это известно, но именно поэтому ей и нужен настоящий президент, настоящий!

КЛАВДИЙ. А что вы имеете в виду, когда с придыханием произносите: «настоящий!»?

ИЗМАЙЛОВ. Я имею в виду, что это должна быть мощная личность, обладающая непререкаемым авторитетом, мудростью, облачённая доверием народа, его любовью, наконец!

КЛАВДИЙ. Но такого человека в России нет!

ИЗМАЙЛОВ. Есть! Только мы не знаем его. В России-матушке, молодые люди, всё есть, и достойный её правитель тоже, безусловно, имеется! Больше того, скоро он обязательно появится. Не президент, потому что для России это мелко, а именно — правитель! Вот кто сегодня нужен!

КЛАВДИЙ. Только жить в это время прекрасное... Помните, известные слова Вольтера?

ИЗМАЙЛОВ. Вы не Вольтера, мой друг, процитировали.

КЛАВДИЙ. Я знаю, Некрасова. Но Вольтер сказал: если бы не было Бога, его следовало бы...

ИЗМАЙЛОВ. Выдумать. И что же из того? К чему вы клоните?

КЛАВДИЙ. Если подходящей кандидатуры нет, то мы предлагаем вам выдумать президента.

ВИТЯ. Точнее — создать.

КЛАВДИЙ. Точно так же как вы создаёте образ какого-нибудь драматического героя в очередном спектакле. Никакой разницы, только наш спектакль будет называться, скажем — «Президент для России». *(ВИТЕ.)* Только что придумал.

ВИТЯ. Замечательно.

КЛАВДИЙ. Гениально! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Что скажете?

ИЗМАЙЛОВ. Я окружён гениями. Это мой рок.

КЛАВДИЙ. Я в гении не рвусь, но отдать должное, по-моему, можно. «Президент для России» — хорошее название для спектакля, кассовое.

ИЗМАЙЛОВ. Может, вам ещё одного гения сюда пригласить, Левыкина? Он мастак на политические заказы.

ВИТЯ. Нам не до шуток, Георгий Константинович. Положение очень серьёзное.

ИЗМАЙЛОВ. Это и пугает. Если вы, конечно, меня не разыгрываете?

ВИТЯ. Нет, Георгий Константинович, нет!

ИЗМАЙЛОВ. Вот я и говорю: бросьте вы эти шальные мысли, ребята, выкиньте из головы. Вас сомнут раньше, чем вы приступите к их реализации.

КЛАВДИЙ. Нас сомнут, если мы не преступим. Витю — уж точно.

ВИТЯ. Отец одобрил этот план и завещал мне вернуть «Роснегу» России. И ещё: он надеялся на вас, Георгий Константинович, на вашу помощь.

ИЗМАЙЛОВ. Вот это мне нравится! Как он мог надеяться? Кто я? Обычный режиссёр. Что я могу? И потом, что, значит, выдумать, создать? Конечно, можно, и зайца научить лупить по барабану... Только президент России — не заяц! По крайней мере, нужен подходящий материал. *(Смотрит на ВИТЮ и КЛАВДИЯ.)* Что вы молчите?

КЛАВДИЙ. Пока вы рассуждаете вполне логично.

ИЗМАЙЛОВ *(ВИТЕ)*. Пойми, я всеми силами готов тебе помочь. У меня нет своих детей, и, видимо, уже не будет, и сын Марии, тем более теперь, когда и Валентина не стало — для меня как родной! Я всё готов сделать, всё!

ВИТЯ. Спасибо. Я очень тронут.

ИЗМАЙЛОВ. Но что я могу, что?

КЛАВДИЙ. Иными словами, вы согласны, чтобы вашего сына убили?

ИЗМАЙЛОВ. Не ставьте так вопрос, молодой человек, это некорректно!

КЛАВДИЙ. Витю убьют, Георгий Константинович, и очень скоро!

ИЗМАЙЛОВ. Типун тебе на язык!

ВИТЯ. К сожалению, это не преувеличение.

ИЗМАЙЛОВ. Оставим крайности! Всегда можно договориться. Хотите, я поведу переговоры? Выставим условия, обеспечим гарантии... С кем нужно поговорить?

КЛАВДИЙ. Нам не нужны лишние жертвы. А Витя не нужен им живой. Они его не любят.

ВИТЯ. Я их тоже не люблю. И не сдамся, даже если они разнесут меня на мелкие клочья!

КЛАВДИЙ. Но пассаран! — как говорит ваш коммерческий директор, и никакого «сори»!

ИЗМАЙЛОВ. Вздор он говорит! Помните, в какой стране вы живёте! Она уже не имеет права называться Россией, она уже давно сплошная Роснега! На недавнем совещании генеральных прокуроров во всеуслышание было заявлено, что половина всех доходов теневого бизнеса уходит на подкуп чиновников. Разумеете, что означает это нечаянное признание? Оно означает, что воры и чиновники работают в честном пополаме, фифти-фифти, так сказать, по джентельменски! Разве при таком раскладе можно полагаться на честные выборы? В нашей стране они могут и не наступить! И потом, кто нам позволит победить? Да на нас со всех сторон навалятся — и бандиты, и государство!

КЛАВДИЙ. Что сейчас — одно и тоже. И, тем не менее, мы должны стараться.

ИЗМАЙЛОВ. Как? Как мы будем стараться? Нас никто не знает, мы никого не представляем! Вы думаете, политическая борьба это игрушки? Ошибаетесь! Легко сказать — найти достойного президента! А где мы его искать будем, где?

КЛАВДИЙ. В России-матушке. Вы же сами сказали?

ИЗМАЙЛОВ. Этот план придумали вы, Клавдий?

КЛАВДИЙ. Судя по тону, в вашем театре авторов бьют.

ВИТЯ. Мы придумали его оба. Это моя единственная надежда, Георгий Константинович, единственная!

ИЗМАЙЛОВ. Бедный мальчик! И ты думаешь, что президент России тебя защитит?

КЛАВДИЙ. Наш президент — безусловно!

ИЗМАЙЛОВ. А если он скурвится, как и все дорвавшиеся до власти, и предаст?

КЛАВДИЙ. Нам не дано предугадать, неправда ли? И потом, есть одно кардинальное условие...

ИЗМАЙЛОВ. Да какие могут условия в нашей стране! Ох, ребяташки! *(Садится, задумывается.)* Чёрт его знает! Да нет же... *(Вскакивает.)* Нет, нет! Это невозможно!

КЛАВДИЙ. Даже с деньгами?

ИЗМАЙЛОВ. Ты хотя бы представляешь, какие деньги потребуются?

ВИТЯ. Нас это не интересует.

КЛАВДИЙ. В том смысле, что деньги есть. Пятьсот миллионов хватит?

ВИТЯ. Долларов, разумеется.

КЛАВДИЙ. На первую раскрутку?

ИЗМАЙЛОВ. Но это невозможно, невозможно!

КЛАВДИЙ. Почему?!

ИЗМАЙЛОВ. Да потому что!

КЛАВДИЙ. Не понимаю. Вот если бы вы сказали, что без этого модема невозможно войти в Интернет, я бы с вами согласился. А то, что в нынешней России невозможно при наличии ума, денег и твёрдой воли избрать своего президента — не понимаю!

ИЗМАЙЛОВ *(ВИТЕ)*. Ты этого компьютерного гения давно знаешь?

ВИТЯ. Давно. А в чём, собственно, дело?

ИЗМАЙЛОВ. А в том, что пятьсот миллионов — деньги нешуточные. Охотников их распилить найдётся немало, равно, как и руки целовать.

КЛАВДИЙ. Поздравляю! У вас уже прорезались отеческие нотки.

ВИТЯ. Клавдий — мой единственный, самый верный, самый преданный друг!

КЛАВДИЙ. Это правда, Георгий Константинович. Мы с Витей любим друг друга.

ИЗМАЙЛОВ. Надеюсь не как... *(Замолкает.)* Чёрт! Извините, но я спрошу об этом прямо: вы, часом, не голубые, нет?

КЛАВДИЙ. Нет.

ИЗМАЙЛОВ. Не смущайтесь. Я хоть и не поощряю, но, в конце концов, мы в театре и... Простите, вы сказали — нет? Или я ослышался?

КЛАВДИЙ. Вы не ослышались. Мы — вполне нормальные люди.

ИЗМАЙЛОВ. Слава Богу! И простите меня за этот вопрос. Я, хоть и не осуждаю, но, признаться, не терплю, когда выпячивают... Но всё, всё! Кончено об этом! *(ВИТЕ.)* Продолжай!

ВИТЯ. Я, разумеется, очень тронут вашей заботой, однако не подумайте, что я приглашаю вас в качестве бесплатного родственника. В случае успеха, ваш гонорар — десять миллионов.

КЛАВДИЙ. Долларов, разумеется. И миллион — в случае неудачи.

ИЗМАЙЛОВ. Вот и сбылась мечта идиота. Я — миллионер!

КЛАВДИЙ. Как видите, игра вполне беспроегрышная.

ВИТЯ. Только не для меня. В том смысле, что в случае проигрыша меня не станет.

КЛАВДИЙ. Мы выиграем, Витя, обязательно выиграем! Это так же точно, как и то, что я вошёл сейчас в наш Лондонский банк.

Показывает экран компьютера ВИТЕ.

ВИТЯ *(мельком взглянув)*. Знакомая картинка. *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Георгий Константинович, не бросайте меня, пожалуйста, помогите!

ИЗМАЙЛОВ *(смотрит на ВИТЮ)*. Ох, Дубарь-Дубарь, всю-то мою жизнь мне от тебя сюрпризы!

ВИТЯ. Он просил вам передать, что просит прощения за маму. Он даже пожалел, что увёл её от вас.

ИЗМАЙЛОВ. Тогда моим сыном мог быть ты. *(Обнимает ВИТЮ.)* Извини. Я любил твою маму, очень любил!

ВИТЯ. Я знаю. У вас был роковой треугольник.

ИЗМАЙЛОВ. Я часто вижу её.

ВИТЯ. Во сне?

ИЗМАЙЛОВ. И во сне тоже. Я даже думаю, что мёртвых не бывает. Пока мы о них помним, конечно... Ладно! Кончили об этом.

ВИТЯ. Простите папу! Перед смертью он раскаялся. Это я точно знаю, поверьте!

ИЗМАЙЛОВ. Что я? За свои грехи ему уже не передо мной ответ держать.

ВИТЯ. Всю свою жизнь я буду молиться! Я ведь его любил, ненавидел и любил. Перед смертью сказал ему об этом, он заплакал... Он много плакал перед смертью... Мы с ним вместе плакали... Георгий Константинович, миленький, не бросайте меня!

С рыданиями обнимает ИЗМАЙЛОВА.

ИЗМАЙЛОВ. Ну-ну, давай вести себя по-мужски.

Стоят, обнявшись и прослезившись.

КЛАВДИЙ. Итак, соглашение, как вижу, достигнуто.

ВИТЯ. Но Георгий Константинович еще не сказал «да».

КЛАВДИЙ. Зачем же вы стояли обнявшись? Нет, господа, всё уже предрешено, и, хотя исход, как всегда, сокрыт и неясен, будем стараться, чтобы небо в алмазах, как говаривала бедная Соня из незабвенного «Дядюшки Вани», просияло когда-нибудь и над нашими грешными головами.

ВИТЯ. Да? Георгий Константинович, да?!

ИЗМАЙЛОВ. Откровенно сказать, я ещё ни черта не соображаю, но у вас уже наверняка есть план, и, честно признаюсь, мне очень хотелось бы его заслушать.

ВИТЯ. Георгий Константинович! Я люблю вас!

Бросается к ИЗМАЙЛОВУ.

КЛАВДИЙ. Если позволите, то я бы присоединился к этому большому и горячему чувству.

ИЗМАЙЛОВ. Откуда вы оба взялись... такие?.. Нет, серьезно. Как ты, например, оказался за ширмой?

ВИТЯ. Георгий Константинович! Ну, какая вам разница? Оказался!

КЛАВДИЙ. Если сознаемся, что он вылез из сейфа, вы ведь нам не поверите?

ИЗМАЙЛОВ. Ох, уж мне эти фокусы-покусы! Ладно! Приступим к делу. На чём мы остановились?

ВИТЯ. На том, что наш президент должен быть не старше сорока, симпатичен и холост.

ИЗМАЙЛОВ. И уметь танцевать канкан! Что за дурацкие условия? Почему наш президент должен быть непременно холост? Мы же не жениха выбираем!

КЛАВДИЙ. На этот раз вы попали в самую точку. И жениха — тоже!

ВИТЯ. У нас для него будет невеста.

ИЗМАЙЛОВ. Час от часу не легче!

ВИТЯ. Неужели это такие невыполнимые условия?

ИЗМАЙЛОВ. Очень даже невыполнимые! Поймите, президентом может стать лишь человек, обладающий определенными качествами. Он должен быть более или менее известен в деловых и общественно-политических кругах, умудрён жизненным опытом, представителен и, как вы говорите, харизматичен. Вряд ли такой человек будет и одинок, и молод.

ВИТЯ. Вы же одиноки.

ИЗМАЙЛОВ. Я — особая статья. Но в радиусе наших поисков подходящей фигуры может просто не оказаться. В конце концов, нельзя же, в самом деле, выдернуть из толпы первого попавшегося красавца и сделать из него президента России на радость вашей невесте. Кстати, кто она?

ВИТЯ. Это пока — тайна.

ИЗМАЙЛОВ. Опять тайна!

КЛАВДИЙ. Думаю, нам нетрудно уважить девичье право не светиться раньше времени?

ВИТЯ. Спасибо, Клавдий!

КЛАВДИЙ. К тому же исполнять обязанности президента России в том объёме, в каком они на сегодняшний момент определены демократическими статусами, способен любой мало-мальски нормальный человек.

ИЗМАЙЛОВ. Вы так считаете?

КЛАВДИЙ. Убеждён. Но вот беда — в России любят героев, призывающих с броневиков и танков в светлое будущее, и нам волен-с-неволен-с придётся с этим считаться.

ВИТЯ. Ведь героями не рождаются, верно? Ими становятся.

ИЗМАЙЛОВ. Как сказать? Все рождаются голыми, но не все равными. Исходный материал — великое дело.

КЛАВДИЙ. Самая большая сложность — это уговорить стать президентом. Ведь нормальный человек на это не пойдёт, а, пойдя, вряд ли останется нормальным. Значит, на полную нормальность нельзя ориентироваться изначально. И это самое печальное, господа! Не хотелось бы подложить России свинью в виде очередного выдающегося сумасброда. Сами же потом нахлебаемся.

ИЗМАЙЛОВ. Поэтому я и говорю, подходящий материал — великое дело! Вы уж поверьте на слово не самому худшему режиссёру. Главное — это найти материал, а уж слепить-то, слепим с Божьей помощью. *(Увлекается.)* Друзья мои! Я ещё, конечно, в полном сумбуре, нужно многое продумать, разобраться, понять... Но уже сейчас можно сказать, что судьба представляет нам уникальный шанс. Ведь если вдуматься, то, спасая тебя, Витя, мы можем спасти Россию. Дух захватывает — вот она сверхзадача: наш президент может и должен спасти Россию!

КЛАВДИЙ. Я бы не замахивался так широко.

ИЗМАЙЛОВ. Да ведь нельзя иначе! Ваша мысль о президенте-чиновнике хороша для Запада, где уже действуют более или менее отлаженные механизмы демократии. У нас же, в России, надо разгребать и ворочать, если не по локти в крови, то уж по колени в дерьме — точно. А чтобы возвыситься над навозной кучей, нужна личность, нужен, как вы и говорите, именно герой, который должен обладать двумя несомненными чертами — непоколебимой честностью и бескорыстной любовью к Родине. Другого сейчас ничего не нужно, ничего!

КЛАВДИЙ. А умение управлять?

ИЗМАЙЛОВ. Конечно, конечно! Согласен! И многое другое. Но главное сегодня — это любить Россию, хотеть жить и умереть ради неё!

КЛАВДИЙ. И жениться на нашей невесте!

ИЗМАЙЛОВ. Слушайте! Возможно, я что-то недопонимаю, но речь ведь идёт о Витиной безопасности, не так ли?

КЛАВДИЙ. Именно так.

ИЗМАЙЛОВ. Причём же здесь эта чёртова невеста? Какая связь?

ВИТЯ. Сейчас это невозможно объяснить.

КЛАВДИЙ. Но связь имеется. И самая непосредственная.

ИЗМАЙЛОВ. Чёрт знает что! Мало, что эта дурацкая невеста ужасно затрудняет дело, так она ещё и самым наиглупейшим образом опошляет самую высокую идею. Водевиль какой-то получается, честное слово!

ВИТЯ *(робко)*. Почему же водевиль? Напротив, это очень серьёзно.

ИЗМАЙЛОВ. Да перестань! Все эти тайны девичьи! Кому это нужно? И как, скажи на милость, всё это можно объяснить нормальному взрослому человеку?

КЛАВДИЙ. Нормально и объяснить: хочешь стать президентом — женись.

ИЗМАЙЛОВ. И тотчас же попадём на проходимца! Нет, в делах такого рода нельзя доверяться постороннему человеку. Тут свой нужен, трижды проверенный, надёжный!

ВИТЯ. Но такого же нет.

ИЗМАЙЛОВ. А нет, так и искать нечего. Только засветимся и кроме неприятностей ничего не сыщем. *(Задумывается.)* Что ж, видимо, делать нечего. *(Протягивает КЛАВДИЮ руку.)* Ваша взяла, согласен!

КЛАВДИЙ. На что?!

ИЗМАЙЛОВ. На что слышал! *(ВИТЕ.)* Я в долгу перед твоей мамой. *(Складывает на груди руки.)* О России — уж не говорю.

ВИТЯ *(с ужасом)*. Вы захотели стать президентом?!

ИЗМАЙЛОВ. А куда деваться? Мне, конечно, уже за сорок, но, думаю, принципиального значения возраст не имеет. Брак, надеюсь, сугубо политический?

КЛАВДИЙ. Тут вы не совсем в точку. Возникновение взаимных чувств отнюдь не исключается. Я бы даже сказал, наоборот — чувства приветствуются.

ВИТЯ. Скажем так: желательны...

ИЗМАЙЛОВ. Она, что, романтическая дурёха эта ваша чёртова невеста?

ВИТЯ. С чего вы решили? Нет!

ИЗМАЙЛОВ. Стало быть, уродина.

ВИТЯ. Да нет же!

ИЗМАЙЛОВ. Впрочем, лучше об этом вообще не думать. Надо — женюсь!

ВИТЯ *(умоляюще)*. Клавдий!..

КЛАВДИЙ. Спокойно, Витя. *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Мы вам не сказали, но есть ещё одно немаловажное условие.

ИЗМАЙЛОВ. Ещё одно?

КЛАВДИЙ. Претендент в президенты должен пройти через харизму.

ИЗМАЙЛОВ. Это ещё что такое?

КЛАВДИЙ. Ну, это, конечно, не Сцилла и Харибда, но вещь вполне серьёзная и для претендентов в президенты строго обязательная.

ВИТЯ *(обрадовано)*. Это программа такая! «Российская харизма» называется!

КЛАВДИЙ. Название вполне условное, но где-то и весьма точное.

ИЗМАЙЛОВ. Ничего не понимаю!

КЛАВДИЙ. Сейчас объясню. Поскольку в России, как известно, голосуют не умом, а сердцем, я написал программу, с помощью которой можно выявить наиболее желаемый образ президента России.

ИЗМАЙЛОВ. То есть?

КЛАВДИЙ. То есть я программно обработал изображения и характеристики самых выдающихся исторических и современных деятелей России, пользующихся несомненной любовью, почитанием и обожанием народа. В этот обширный список вошли как основные фольклорные герои, так и характерные литературные персонажи. В результате получился собирательный портрет. Я назвал его — «Российская харизма».

ИЗМАЙЛОВ. Ну и что из этого следует?

ВИТЯ. А то, что наш президент должен ей обязательно соответствовать. Это непереносимое условие, непереносимое!

КЛАВДИЙ. Иначе он — и не президент, и не жених!

ИЗМАЙЛОВ. Ну что за вздор?

ВИТЯ. Никакой не вздор, а главное и непереносимейшее условие!

КЛАВДИЙ. Не горячитесь. Вздора, разумеется, никакого нет. Моя харизма — это нечто вроде теста на служебное соответствие, но, конечно же, гораздо серьёзнее и объективнее. Строго говоря, никакой тест ей в подметки не годится.

ИЗМАЙЛОВ. Вы в этом уверены?

КЛАВДИЙ. Стопроцентно! Мною проделана добросовестная и с научной точки зрения безусловно доказательная работа. Для начала я создал галерею претендентов...

ИЗМАЙЛОВ. Галерею?

КЛАВДИЙ. Не мог же я всех свалить в одну кучу. Её ни одна программа не разгребла бы! Поэтому, естественно, я варьировал и в зависимости от компонентов получал групповые портреты. Скажем, из коктейля с Иваном Грозным, Ильей Муромцем и Явлинским — один портрет. Из варева, в котором замешаны Соловей Разбойник, Жириновский и Петрушка — другой. Зюганов, Скатерть-самобранка и Лаврентий Павлович — третий...

ИЗМАЙЛОВ. Вы меня разыгрываете, что ли?

КЛАВДИЙ. Ничуть. Я вам, разумеется, называю далеко не весь спектр участников, в каждой вариации их гораздо больше... Деятели культуры, искусства, науки... Много!

ВИТЯ. Даже Пугачева с Киркоровым и Галкиным есть.

ИЗМАЙЛОВ. Какая чушь!

КЛАВДИЙ. Да ничего подобного! Самое интересное, что все групповые портреты обладали несомненной типовой схожестью друг с другом, но, когда я их попробовал объединить в единообразующую харизму, программу стало заклинивать насмерть, и все мои попытки кончались ничем! То есть — полным кенсулом!

ИЗМАЙЛОВ. А потом?

КЛАВДИЙ. Было ясно, что недостаёт какого-то важного компонента. Если бы вы знали, как я намучался в поиске его! Кого только я не добавлял, кого только не примешивал, пока с лёгкой Витиной руки не отважился на явное кощунство.

ВИТЯ. Это не кощунство. Как же на Руси и без Христа?

КЛАВДИЙ. Я же не возражаю. Во всяком случае, как только образ Спасителя был введён, так харизма сразу и проявилась.

ИЗМАЙЛОВ. Покажите!

КЛАВДИЙ. А! «Проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!»

ВИТЯ. Ну что ты мучаешь Георгия Константиновича? Показывай уже!

КЛАВДИЙ *(ИЗМАЙЛОВУ)*. Она перед вами — смотрите!

ИЗМАЙЛОВ *(вглядываясь в экран)*. А почему изображение такое нечёткое? Битое какое-то, как на старых иконах? Плывущее, зыбкое... Не видно же ни шута!

ВИТЯ. В этом и заключается эффект харизмы.

КЛАВДИЙ. Изображение проявляется и становится более или менее чётким при вводе в программу ещё одного компонента, а именно — лица претендента. Да что говорить? Вот сейчас я вас сфотографирую, введу в программу, и посмотрим, достойны ли вы *(достаёт из сумки фотоаппарат)* рулить Россией?

ИЗМАЙЛОВ *(испуганно)*. Подожди! *(Засмуцавшись.)* Это, наверное, долгий процесс?..

КЛАВДИЙ. Процесс уже пошёл.

Нацеливается фотоаппаратом.

ВИТЯ. Аппарат цифровой, так что это быстро...

КЛАВДИЙ. Вот вы на дисплее! *(Показывает ИЗМАЙЛОВУ фотоаппарат.)* Если не нравится, могу переснять, но, уверяю, поза не имеет принципиального значения. Так, включаем инфракрасный порт... *(Ставит аппарат перед компьютером, клацает клавишами.)* Отлично. Видите *(показывает на дисплей ноутбука)*, вы уже здесь. А сейчас я вас введу в программу, и... подождём немного. *(Откидывается на спинку кресла.)* Ну, как, впечатляет?

ИЗМАЙЛОВ. А это не ерунда?

КЛАВДИЙ. А земля вертится?

ИЗМАЙЛОВ. И что будет?

КЛАВДИЙ. Если вы подходящий кандидат, то харизма проявится с вашими чертами и, кроме того, скажет: «А вот и я»!

ИЗМАЙЛОВ. Бред! А если не проявится, не скажет?

КЛАВДИЙ. Значит, не годитесь. *(Наклоняется к компьютеру.)* Что, впрочем, уже и так видно.

ИЗМАЙЛОВ. Не проявилась?

ХАРИЗМА *(по-жеребьячи)*. Неээээээт!

ИЗМАЙЛОВ. Чего это она... ржёт-то?

ХАРИЗМА *(по-жеребьячи)*. Неээээээт!

КЛАВДИЙ. Это она так отвергает вашу кандидатуру.

ИЗМАЙЛОВ. Вот чёрт! Стало быть, рожей не вышел, да?

КЛАВДИЙ. Наверное, она у вас слишком интеллигентная для этой всенародной должности.

ВИТЯ. И, стало быть, для жениха вы тоже не годитесь!

Хлопает в ладоши, смеётся.

ХАРИЗМА *(по-жеребьячи)*. Неээээээт!

ИЗМАЙЛОВ. Её, что, заело?

КЛАВДИЙ. Ничего не заело. Просто отказ звучит трижды.

ИЗМАЙЛОВ. Зачем? Для глухих претендентов, что ли?

ВИТЯ. Ну почему для глухих? Просто Бог троицу любит!

ИЗМАЙЛОВ. Просто прикалываетесь, значит. Понятно. Затем и кобылиную ржачку приладили!

ВИТЯ. Не огорчайтесь! Наши с Клавдием физиономия она тоже заржала.

ИЗМАЙЛОВ. Приятно слышать. Только невдомёк мне, чему мы, собственно, радуемся? Или у нас подходящих претендентов навалом?

КЛАВДИЙ. Представьте, были... Я однажды на целый день засел в районном фотоателье, и харизма проявлялась... более или менее...

ИЗМАЙЛОВ. Но абсолютной чёткости всё же не было?

КЛАВДИЙ. Абсолютной не было.

ИЗМАЙЛОВ. Так, может, её и не будет никогда, абсолютной?

КЛАВДИЙ. Может, и не будет. Тогда придётся ориентироваться на наиболее устойчивое изображение.

ВИТЯ. Но на вас харизма даже не среагировала! Ну, ни капельки!

ИЗМАЙЛОВ. И тебя это почему-то страшно радует. Может, скажешь, почему?

КЛАВДИЙ. Извините, Георгий Константинович, но вы достали. *(Громко, с вздыманием рук.)* Ну не желает Витя, чтобы вы были женихом нашей невесты. Не хочет!

ИЗМАЙЛОВ. А я хочу, что ли? Мне это, если угодно, как серпом... по одному месту! А вы? Кобылиные ржачки устроили! Невесту какую-то дурацкую придумали, харизму эту чёртову! А на кой ляд она сдалась нам эта ваша распрекрасная харизма? Мы, что, конкурс жеребцов, что ли, проводить собираемся?

КЛАВДИЙ. А почему бы и нет? Конкурс — хорошая идея. Только — не жеребцов, а претендентов.

ИЗМАЙЛОВ. Да?

ВИТЯ. Да! А ваши выпады против невесты...

ИЗМАЙЛОВ. Стоп! (*Закрывает ВИТЕ рот.*) Ни звука больше. (*КЛАВДИЮ.*) Беру все свои слова обратно. Ты — гений, Клавдий! И харизма твоя — подарок судьбы! Подарок России!

КЛАВДИЙ. Слава Богу, врубились наконец-то!

ИЗМАЙЛОВ. Именно! Врубился! Друзья мои! Мы объявим конкурс! На всю страну! Открытый! Вы представляете, что начнётся? Этот театр разнесут вдребезги! Ведь вся Россия через нашу харизму двинется! А уж при таком-то грандиозном пиаре сделать победителя президентом любой дурак сможет. Выбор компьютера — выбор народа!

КЛАВДИЙ. Прекрасный слоган!

ИЗМАЙЛОВ. А если харизма к тому же окажется ещё и настоящей...

КЛАВДИЙ. Обижаете, командор!

ИЗМАЙЛОВ. Если в ней, действительно, нет изъяна, то, чем чёрт не шутит, возможно, и впрямь на российский трон наконец-то взойдёт Достойный. И тогда Россия в кратчайшие сроки обретёт небывалое величие, явит собой такой пример разума и добра, что ему неудержимо последуют все сознательные народы! Да-да! И не смотрите на меня как на сумасшедшего, это не преувеличение, это вполне достижимо, ибо, несмотря на все изъяны советского периода, наш народ ближе всех подошёл к пониманию христианских истин. И если его сейчас окрылить и повести к Добру и Благу, к Справедливости, то...

КЛАВДИЙ. Может, вернёмся на грешную землю, Георгий Константинович?

ВИТЯ. Поближе к конкурсу.

ИЗМАЙЛОВ (*выходя из протрации*). Приземляйте меня, ребяташки, приземляйте. Но одну вещь я вам все-таки скажу: если достойный претендент найдётся, я первый уступлю ему место. А пока харизму срочно нужно перепрограммировать под меня. Конкурс конкурсом, но на всякий пожарный нужно подстраховаться. (*ВИТЕ.*) А невеста твоя, думаю, переживёт.

ВИТЯ. Нет!

ИЗМАЙЛОВ. Кончено с этим!

КЛАВДИЙ. Упорный вы, однако, человек.

ИЗМАЙЛОВ. Да, я упорный, и потому буду и буду повторять, что в этом деле необходим свой человек, свой! И пока его нет...

БЕСТУЖИЙ (*голос*). Есть!

Врывается в кабинет, таща за собой вцепившуюся в него МАШУ.

БЕСТУЖИЙ. Есть такой человек! (*Вырывается.*) И вы его знаете!

МАША. Он подслушивал! За портьерой! Нарочно усадил меня в буфете, а сам сбежал и — за портьеру!

БЕСТУЖИЙ. И правильно сделал! (*ВИТЕ.*) Подхожу по всем статьям: во-первых (*загибает палец*), не женат и абсолютно холост, во-вторых, через год только сорок рванёт, а, в-третьих, я всё слышал и не предам никогда, потому как свой в доску!

КЛАВДИЙ. Я не пророк, но, похоже, в нашем полку прибыло.

ИЗМАЙЛОВ (*МАШЕ*). Как же вы допустили?..

БЕСТУЖИЙ. А ей самой было интересно, особенно, после того как вы жениться согласились.

МАША. Это неправда! Я хотела вас утянуть!.. Тянула...

БЕСТУЖИЙ. Да ладно ляля-тополя! (*ВИТЕ.*) Забыл ещё про четвёртое сказать. В отличие от некоторых (*намёк на ИЗМАЙЛОВА*) — женюсь с удовольствием! И — не только политически!

ВИТЯ. А вдруг она вам не понравится?

БЕСТУЖИЙ. Ваша невеста? Исключено! Мне почти все ба... женщины нравятся.

ИЗМАЙЛОВ. Особенно, после второго стакана.

КЛАВДИЙ. А вот это не есть хорошо!

ИЗМАЙЛОВ. Да гнать его надо в шею — продаст!

БЕСТУЖИЙ. Зачем же оскорблять? Я вас пока ещё не шантажирую!

КЛАВДИЙ (*ИЗМАЙЛОВУ*). А вы, говорите, гнать!

ИЗМАЙЛОВ. Надо же, как влипли! (*БЕСТУЖЕМУ, грозя пальцем.*) Начнёшь языком трепать!..

КЛАВДИЙ. Диск формат сделаем! Понял?

БЕСТУЖИЙ. Понял. А что такое... диск формат?

КЛАВДИЙ. Полная очистка (*показывает на голову*), — и без последующей загрузки.

ИЗМАЙЛОВ. Будешь только цветочки нюхать.

КЛАВДИЙ. Искусственные.

МАША. Я тоже... почти всё слышала...

Опускает голову.

ИЗМАЙЛОВ. Почти! Могли бы и на помощь позвать! А у вас — ушки на макушке!

ВИТЯ. Не нападайте на Машеньку! (*Ободрительно приобнимает МАШУ за плечи.*) Она у нас хорошая!

КЛАВДИЙ. Очень хорошая! И знаете, Георгий Константинович, я у вас Машу, пожалуй, отобью. При первом же неудобном для вас случае. Так и знайте!

ВИТЯ. Bravo, Клавдий!

ИЗМАЙЛОВ. Отбивайте! Делайте, что хотите, но крепко-накрепко запомните одно: мы вступаем в борьбу со смертельно опасным противником, и поэтому будем предельно бдительны и осторожны! И, разумеется, серьёзны!

БЕСТУЖИЙ. Ясен перец. Как на боевом посту! (*ВИТЕ.*) А в женихи, значит, для вашей невесты пока не соваться?

ВИТЯ. Ну отчего же... суйтесь... если... желаете, конечно...

КЛАВДИЙ. Что я слышу? Витя?! Неужели?!

ВИТЯ. Ничего не неужели! Просто человек высказал желание... У нас же открытый конкурс, насколько я понимаю...

ИЗМАЙЛОВ. Никакого открытого конкурса у нас нет! А уж если и откроется, то такого, извините за выражение, претендента нам и задаром не нужно.

БЕСТУЖИЙ. Это уж пусть харизма решает. Может, ещё и не заржёт... как над вами!

ИЗМАЙЛОВ. Тогда я заржу.

ВИТЯ. Мне кажется, Родион имеет право... на общих основаниях...

КЛАВДИЙ. Ну, раз Витя не против, а скорее, даже наоборот... (*Берётся за фотоаппарат; БЕСТУЖЕМУ.*) Давайте проверимся. Скажите медленно: сы-ы-ы-р!

БЕСТУЖИЙ. Обождите с сыром! Я же пьяный. То есть, выпимши слегка. Харизма не забракуют?

КЛАВДИЙ. Забракуют или не забракуют, это ей решать, но, надеюсь, от ваших винных испарений программа не рухнет.

БЕСТУЖИЙ. Я ведь ещё сухого добавил в буфете-то... «Напареули»... Ничего?

ВИТЯ. Вы ещё и смешиваете? Вам же на утреннике завтра выступать.

БЕСТУЖИЙ. Кто же знал-то?

МАША. Я вас предупредила!

БЕСТУЖИЙ. Да я не про утренник! Обожди снимать-то! *(Закрывается рукой.)* Хоть бы причесаться... Расчёска есть? Георгий Константинович, а?

ИЗМАЙЛОВ. Для этой комедии и так сгодишься!

БЕСТУЖИЙ. Расчёску бы?.. *(Приглаживает волосы руками.)* И водицы испить!.. *(Наливает воду в стакан.)* Во рту прямо всё пересохло. *(Жадно пьёт. КЛАВДИЮ.)* Зачем со стаканом-то снимать?

КЛАВДИЙ. Куда же вы без стакана? *(Показывает БЕСТУЖЕМУ изображение.)* А вот со стаканом хоть куда! Хучь в женихи, хучь в президенты!

ВИТЯ. Не смешно, Клавдий. И потом, если ты против, то так и скажи.

КЛАВДИЙ. Ну, почему же я против, Витя? Моё дело маленькое, — лишь бы невесте угодить.

БЕСТУЖИЙ. Может, всё ж-таки протрезветь? Хоть немного, а? Георгий Константинович, вы, как режиссёр, какого мнения?

ИЗМАЙЛОВ *(КЛАВДИЮ)*. Напрасно только плёнку тратите на этого идиота!

КЛАВДИЙ. Плёнки в цифровом аппарате никакой нет.

БЕСТУЖИЙ. Если ничего не получится, тогда я тверёзым приду. Вторая попытка будет, ага?

ВИТЯ. Вы даже вспотели немного.

Вынимает платок, прикладывает ко лбу БЕСТУЖЕГО.

БЕСТУЖИЙ. Так, это, на президента же иду... вот и потею!

ИЗМАЙЛОВ. Иа, иа, иа! Это я так ржу.

БЕСТУЖИЙ. По ослиному.

ИЗМАЙЛОВ. А по-другому ты и не заслуживаешь!

МАША. Не беспокойтесь, Георгий Константинович! Ну, какой из него президент?

КЛАВДИЙ. Сейчас посмотрим, какой... Вот вы на мониторе, Родион... А теперь пошёл в харизму... *(Перебирает клавиши.)* Пошёл-пошёл!..

БЕСТУЖИЙ. Господи, пронеси и вынеси!

Крестится.

ИЗМАЙЛОВ *(в сердцах)*. Тьфу!

КЛАВДИЙ. Вот так штука!

ВИТЯ. Что? Среагировала?

Подбегает к компьютеру.

КЛАВДИЙ. Такой чёткости ещё ни разу не было, клянусь!

БЕСТУЖИЙ *(заглядывая на экран)*. Вроде бы, похож... А?

КЛАВДИЙ. Да не вроде, а вполне определённо! *(ВИТЕ.)* Похож?

ВИТЯ. Неужели это судьба?

ИЗМАЙЛОВ. Да перестаньте вы судьбоносить! *(Подходит к компьютеру.)* Ну и что? Где вы тут видите сходство?

БЕСТУЖИЙ. Да вылитый я! Только шапка чужая...

КЛАВДИЙ. Это шапка Мономаха.

БЕСТУЖИЙ. Да я не против... *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Главное, не ржёт как у вас. Слышите? Молчит!

КЛАВДИЙ. Молчит, потому что думает.

МАША. Над чем?

ВИТЯ. Над рекомендациями.

КЛАВДИЙ. Внимание!

ХАРИЗМА. Для полного соответствия на пост президента России настоящему претенденту необходимо освободиться от вредных привычек, а именно — от алкоголя и табака, блудодействия...

КЛАВДИЙ (*БЕСТУЖЕМУ*). Запоминайте!

ХАРИЗМА. Разврата и обжорства. Ругательств и вранья.

БЕСТУЖИЙ. Это всё мне, что ли?

ВИТЯ. Ещё не всё. Опять задумалась.

БЕСТУЖИЙ. Ну и харизма у вас! Уж лучше в монастырь тогда!..

КЛАВДИЙ. Тише!

ХАРИЗМА (*сердито*). И перестать грызть ногти!

Звучит Свадебный марш Мендельсона.

ВИТЯ мечтательно улыбается.

КЛАВДИЙ. Всё. Кенсул!

БЕСТУЖИЙ. Как она узнала-то?.. Про ногти? А?..

МАША. Вы думаете, это не видно?

БЕСТУЖИЙ. Откуда же? Я же ей не показывал?..

КЛАВДИЙ. Ей показывать не нужно, она самую суть видит... Грызёте, стало быть ногти?..

БЕСТУЖИЙ. Бывает... Когда выпить нечего... А то, это... муторно как-то... на душе-то... вот и погрызёшь... немного... невзначай....

КЛАВДИЙ. Придётся прекратить. Не президентское занятие.

ВИТЯ. И ужасно некрасивое. (*Берёт руку БЕСТУЖЕГО.*) Ну, ну что это такое? Фи!

Отбрасывает руку.

БЕСТУЖИЙ. А жениться скоро?

ВИТЯ. Не спешите. Вам ещё надо выполнить рекомендации... и, вообще, стать умницей и пай-мальчиком.

БЕСТУЖИЙ. Ногти-то я перестану... А вот другое... (*Чешет затылок.*) Не блудодействовать... Это как понять?

ВИТЯ. Клавдий вам объяснит... попозже...

ИЗМАЙЛОВ. Горбатому не объяснишь! Да и мы ждать замёрзнем. А что касается харизмы вашей хвалёной, то, увы, друг мой Клавдий, несостоятельность её, как говорится, слишком очевидна. Выбор данного господина (*указывает на БЕСТУЖЕГО*) — лучшее тому доказательство. (*МАШЕ.*) Как вы давеча сказали? «Ну какой из него президент?» Заметьте, друг мой Клавдий, что для этого, безусловно, априорного вывода никакой программы не потребовалось.

БЕСТУЖИЙ. Значит, по-вашему, наука врёт, да?

ИЗМАЙЛОВ. В твоём случае — несомненно!

БЕСТУЖИЙ. Почему ж тогда она вас не выбрала, если вы такой у нас умный?

КЛАВДИЙ. Если позволите, замечу: данный господин (*указывает на БЕСТУЖЕГО*) не выбран, а определён — как возможный претендент, на что указывают совершенно чёткие рекомендации.

ИЗМАЙЛОВ. Которых он никогда в жизни не выполнит! И кончим на этом. Хватит! Я устал от этой бесконечной комедии.

ВИТЯ. Но он же может измениться к лучшему!

ИЗМАЙЛОВ. Он? Никогда!

ВИТЯ. И всё-таки мы должны ему помочь. Обязаны!

ИЗМАЙЛОВ. Зачем? К чему тратить драгоценное время? Я же не сумасшедший!

БЕСТУЖИЙ. Ну и пожалуйста! Свободных режиссёров, что ли, мало?

МАША. Как вы можете сравнивать?!

БЕСТУЖИЙ. А чего же они? Сразу: пытаться не буду! Не сумасшедший!

ИЗМАЙЛОВ. Ступай проспись!

БЕСТУЖИЙ. Мне, может, один раз всего за всю мою жизнь грёбанную и подвезло-то по-крупному! И то неизвестно ещё, на какую жизнь себя обрекаю! Это же хуже каторги — не блудодействовать! А вы!.. *(Ударяет кулаком по столу.)* Да я, может, умру ещё за Россию-мать нашу!

КЛАВДИЙ. Вы сначала, мать вашу, жениться должны.

БЕСТУЖИЙ. Женюсь и умру! *(Всхлипывает.)* И пить, может быть, даже брошу.

ВИТЯ. Пить — правильно, а умирать — не надо. *(Гладит БЕСТУЖЕГО по голове.)* Вам надо постараться измениться. Вам дана великолепная возможность...

КЛАВДИЙ. Она всем дана. Жизнь — это возможность стать лучше!

МАША. Как вы хорошо сказали! Жизнь — это возможность стать лучше!

ВИТЯ. Клавдий вам поможет. У него есть специальные компьютерные программы, они поднимут вас до нужного уровня.

БЕСТУЖИЙ. Компьютерные? А я, это, не заучусь немного, нет?

КЛАВДИЙ. Не заучитесь. Ваш хард-диск *(показывает на голову)*, конечно, прилично замусорен, но ничего, — почистим, оптимизируем, загрузим по-новому, и тогда харизма скажет: «А вот и я!». И Россия, — вместе с красавицей-невестой, разумеется! — раскроют вам свои жаркие объятия!

ВИТЯ. И совсем не остроумно, Клавдий!

ИЗМАЙЛОВ. Я не могу этого слышать, не могу!

БЕСТУЖИЙ. Да чего вы так переживаете? Спасём мы Россию! Делов-то куча?!

ИЗМАЙЛОВ. Вон от меня!

БЕСТУЖИЙ. Куда же теперь вон? Если такая харизма выпала.

ВИТЯ. К сожалению, моё время истекло, я должен вас покинуть...

КЛАВДИЙ. Да, Витя, пора...

Захлопывает крышку ноутбука.

ИЗМАЙЛОВ. Как? Мы даже не поговорили!

ВИТЯ. Пора. Уже пора. *(Целует ИЗМАЙЛОВА.)* Не сердитесь. Меня не будет месяцев шесть... Но я вам тут и не нужен... Зато Клавдий остаётся... И у нас будет электронная связь... *(Поворачивается к МАШЕ.)* Машенька! *(Целует МАШУ.)* Не отчаивайтесь! У вас всё сложится прекрасно. *(БЕСТУЖЕМУ.)* А с вами, алкогольная личность, не стоило бы целоваться, но — на прощанье — так и быть...

БЕСТУЖИЙ. Да я только слегка выпимши-то.

Целуется и вытирает свои губы рукой.

ВИТЯ. Какой смешной! У меня же нет помады. *(ВСЕМ.)* Прощайте, дорогие мои, и — до свидания!

Направляется вместе с КЛАВДИЕМ к выходу.

БЕСТУЖИЙ. А сейф-то?.. Так и останется запертой? Или — как?..

ВИТЯ (*оборачивается*). Хорошо, что напомнили. (*Взмахивает рукой.*) Виктория!..

Дверца медленно открывается, обнажая набитое пачками денег нутро.

БЕСТУЖИЙ (*невольно повторяя ВИТИН жест*). Виктория! (*Чешет голову.*) Как же я сам-то не додумался?

ВИТЯ. Это имя твоей невесты, дурачок!

Машет рукой и уходит.

БЕСТУЖИЙ устремляется к сейфу, но дорогу ему преграждает ИЗМАЙЛОВ.

ИЗМАЙЛОВ. Куда? Опять рефлекс пошёл? Рано, милый. Ты ещё не президент России. (*Берёт БЕСТУЖЕГО за грудки.*) Но ты им станешь, сукин сын, обязательно станешь!

Входит ЛЕВЫКИН.

МАША. Яков Самуилович!.. Вы?

ЛЕВЫКИН. Да, это я! Пришёл сказать, что первый акт, слава Богу, кончили. Пока принимают «на ура».

С достоинством удаляется.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет ИЗМАЙЛОВА. За столом с большим монитором — МАША. ИЗМАЙЛОВ комфортно расположился с ноутбуком в кресле.

На авансцену вносят стол, стулья для президиума, бутылки с водой, перевернутые стаканы. К столу тотчас же устремляются репортеры, устанавливая на нём микрофоны и диктофоны.

В кабинете бесперебойно звонит телефон.

МАША *(в трубку)*. Гранд-театр. Сожалею, но все билеты уже розданы. Роз-да-ны! Да, всё бесплатно. И буфет тоже бесплатный. Подозрительно? Почему подозрительно? *(Опускает трубку и тотчас же срывает её.)* Гранд-театр. С детьми? Пожалуйста. Но лишних билетов нет. Дети будут на руках? А сами вы придёте со складными стульями?

В замешательстве смотрит на ИЗМАЙЛОВА.

ИЗМАЙЛОВ *(глядя в ноутбук)*. Ничем не могу помочь.

МАША *(в трубку)*. К сожалению, ничем не могу помочь. Мне тоже очень жаль. *(Новый звонок.)* Гранд-театр. Сегодня. Да, буфет бесплатный. Нет, только в один буфет нельзя. Сожалею.

ИЗМАЙЛОВ. Вежливость и сожаление вас погубят, Мария Львовна.

МАША. Это же люди. *(В трубку.)* Гранд-театр. Что будет в буфете? Я точно не знаю... Нет, спиртного точно не будет. Даже пива. А вам сказали, что будет? Кто сказал? Нет, ко второму отделению тоже не подвезут. И очень хорошо, что всё равно не успеваете! *(Опускает трубку, телефон тотчас же звонит.)* Не понимаю, какой смысл звонить, если через пять минут уже начало?

ИЗМАЙЛОВ. Через четыре. *(Ударяет по клавише.)* Сошёлся! Кончено с пасьянсом!

МАША. Поздравляю!

ИЗМАЙЛОВ *(встаёт)*. Вот вы сказали: люди. А люди, Мария Львовна, глупы, невежественны и наивны.

МАША *(звонящему телефону)*. Не буду отвечать, всё! *(Звонок тотчас же смолкает.)* Вот так вот! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Не все же глупы и наивны.

ИЗМАЙЛОВ. Практически все. И мы с вами — тоже.

МАША. Не нравится мне ваше настроение.

ИЗМАЙЛОВ. Настроение прекрасное. А если бы повеситься!..

МАША. Господи!

ИЗМАЙЛОВ. Представьте: выхожу на сцену. Ставлю табурет, креплю на софите веревку, набрасываю на шею петлю и...

МАША. Замолчите!

ИЗМАЙЛОВ. Зрители ждут: что дальше? А дальше — дрыг ногой и повис, язык набок. А они сидят и ждут, — восхитительно!

МАША. Что же тут восхитительного? *(Выходит из-за стола.)* Посмотрите лучше на меня. Нет, вы получше посмотрите. Ведь, правда, я сегодня прехорошенькая? Ну, сознайтесь, правда? У меня и кофточка новая.

ИЗМАЙЛОВ. Кофточка новая. *(Садится за свой стол, выдвигает ящики.)* И вообще, Маша, вы — чудесная девушка.

Что-то ищет среди бумаг.

МАША (*наблюдая за ИЗМАЙЛОВЫМ*). Всё портрет её ищите? Не ищите.
 ИЗМАЙЛОВ (*поднимает голову*). Нет?
 МАША. Его нигде нет. Давно уже нет, давно! Как и её самой!

Входит парадно одетый, с бабочкой на шее, ЛЕВЫКИН. МАША, скрывая слезы, отворачивается.

ЛЕВЫКИН. Господа! Выходить предлагаю в следующем порядке: сначала Георгий Константинович, затем — я, потом... Но, пардон... Я, кажется, помешал?..

МАША (*пряча слезы*). Нисколечко, Яков Самуилович, нисколечко.

ИЗМАЙЛОВ. Как обстановка?

ЛЕВЫКИН. Что-то невероятное! Ложи трещат!

ИЗМАЙЛОВ. Раньше блистали. Хорошо бы бесплатный буфет выдержал.

ЛЕВЫКИН. Вы смеётесь, а народ необходимо подкармливать!

ИЗМАЙЛОВ. Вы, я смотрю, сегодня в ударе.

ЛЕВЫКИН. Это заметно, да?

МАША. Чудесно выглядите, Яков Самуилович, чудесно!

ЛЕВЫКИН. Спасибо. Сегодня судьбоносный вечер! Я это предчувствую.

ИЗМАЙЛОВ. Сразу видно, что вы рождены для успеха. И знаете что? Вам и карты в руки, ведите-ка вечер сами!

ЛЕВЫКИН. Но председатель же — вы?!

ИЗМАЙЛОВ. Я слагаю свои полномочия. Вернее, вручаю эти почётные обязанности вам.

ЛЕВЫКИН. Но я не готовился!

ИЗМАЙЛОВ. Перестаньте скромничать. Сегодняшний вечер целиком и полностью ваша заслуга. Так что, пожинайте плоды.

ЛЕВЫКИН. Вообще-то, когда-то я неплохо вёл собрания... (*Выбрасывает руку.*) Товарищи!.. То есть...

ИЗМАЙЛОВ. Ваше место — трибуна! Вперёд!

Уходит.

ЛЕВЫКИН. А вдруг я не справлюсь? (*Выбрасывает руку.*) Господа!..

МАША (*поправляет ЛЕВЫКИНУ бабочку*). Справитесь. Валокордин с собой?

ЛЕВЫКИН (*машинально ощупав карманы*). С собой! (*Целует МАШЕ руку и поспешает за уходящим ИЗМАЙЛОВЫМ.*) Тогда выходить предлагаю в следующем порядке: сначала — я, потом — Георгий Константинович...

Опускается занавес. Поверху на нём выведено крупными буквами:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «НАШ ПРЕЗИДЕНТ!»

Ниже, слева — большая принтерная фотография

БЕСТУЖЕГО,

под ней надпись:

«ЕГО ВЫБРАЛ КОМПЬЮТЕР ФИРМЫ «SMART!»

По центру — фото, на котором БЕСТУЖИЙ в окружении мужчин и женщин с малыми детьми, и надпись:

«ВЫБОР КОМПЬЮТЕРА — ВЫБОР НАРОДА!»

*Справа ещё одна фотография БЕСТУЖЕГО
с надписью:*

**«КОГДА НАУКА И НАРОД ЕДИНЫ,
ТО ТАЮТ НЕДОВЕРЬЯ ЛЬДИНЫ!»**

*К столу выходят ЛЕВЫКИН, ИЗМАЙЛОВ, МАША, ПАРТИЙНАЯ ДАМА, БУФЕТЧИЦА.
ПАРТИЙНАЯ ДАМА первая усаживается за стол, деловито берётся за бутылку,
наполняет стакан, пьёт.*

Все рассаживаются.

МАША с раскрытым ноутбуком садится на краю стола.

ЛЕВЫКИН. Господа! Я чрезвычайно взволнован. Это так неожиданно... Дело в том, что всеми уважаемый Георгий Константинович Измайлов внезапно передал бразды правления в мои руки... Так что вести это высокое собрание предстоит мне, вашему покорному слуге...

ИЗМАЙЛОВ *(поднявшись)*. ...Левыкину Якову Самуиловичу. Это оформление *(показывает на занавес)* и, вообще, вся подготовка сегодняшнего вечера — целиком и полностью его заслуга!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Поприветствуем как бы, да!

Встаёт, одиноко хлопает в ладоши.

ЛЕВЫКИН. Не стоит благодарности. Спасибо. Позволю несколько слов о себе... Я не снискал большой популярности, но много работал и работаю... Моя пьеса «Сталевары просят огня» с успехом ставилась на многих сценах СССР, и в нынешние, прямо скажу, непростые времена, я не могу пожаловаться на безвестность. Конечно, раньше...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Короче, бекицер!

ЛЕВЫКИН. Очень своевременное замечание, това... Господа, будем ценить время, но позвольте, однако же, закончить... Как уже сказали — Левыкин Яков Самуилович, писатель, драматург, кинодраматург, член Союза писателей, член Союза кинематографистов, театральных деятелей, союза труда и культуры, заместитель председателя общества бездомных животных, сопредседатель народно-демократического движения «Наш президент» и, наконец, добровольный биограф Бестужего Родиона Родионовича. В настоящее время активно работаю над бестселлером «Допрезидентская жизнь» и драматургическим полотном «Наш президент».

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Всё ясно — бекицер!

ЛЕВЫКИН. Время — деньги, это, извините за каламбур, особенно ценно в наше время, но, господа, не могу же я не представить остальных членов президиума. Как вы, вероятно, догадались, слева от меня Измайлов Георгий Константинович, главный режиссер Гранд-театра, в недрах которого моя пьеса «Сталевары просят огня»

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Бекицер, мать твою!

ЛЕВЫКИН. ... снискала славу... Брякина Жизель Ивановна, председатель общества бездомных животных... Работник театра и общественного питания Ефросинья Степановна Голубеева... И, наконец, первый помощник главного режиссера Мария Львовна Милонова! Но это еще не всё, това... Господа! К сожалению, прародитель нашего движения, выдающийся программист по имени Клавдий не смог визуально присутствовать на нашей конференции — он встречается в Нью-Йорке с главой фирмы...

Майкрософт Биллом Гейтсом! — но виртуально, по Интернету, обещал быть с нами. *(Поворачивается к МАШЕ.)* Соединение с Нью-Йорком установлено, Мария Львовна?

МАША. Да, мы уже — на связи. *(Поворачивает ноутбук экраном к залу.)* Всем увидеть, наверное, не удастся, но услышат, безусловно, все... *(Заглядывает в ноутбук.)* Здравствуйте, Клавдий!

КЛАВДИЙ *(голос)*. Мария! Рад вас слышать.

МАША. Взаимно. Мы, Клавдий, в зале Гранд-театра на открытии народно-демократического движения «Наш президент».

ГОЛОС КЛАВДИЯ. Всем привет и наилучшие пожелания!

ЛЕВЫКИН *(заглядывая в ноутбук)*. Он машет нам рукой! Из Интернета, това!.. Поприветствуем нашего Клавдия, господа!

МАША. Слышите, Клавдий? Это вас приветствуют.

ГОЛОС КЛАВДИЯ. Слышу отлично. Ещё раз привет, и, если не возражаете, перейдём к делу. У меня сегодня очень напряжённый график.

ЛЕВЫКИН. Это он нас, из Нью-Йорка подгоняет, това!.. Фантастика! Таким образом, господа, нашу конференцию можно с полным основанием считать международной и даже, я бы сказал, международно-виртуальной.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Представители иностранной прессы в зале как бы присутствуют?

ЛЕВЫКИН. Поприветствуем представителей иностранной и отечественной прессы, а также представителей телерадио.

Аплодирует.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Короче, бекицер!

ЛЕВЫКИН. Господа, поскольку это заявление звучит уже неоднократно, я должен объяснить: бекицер — это не имя. Это и есть «короче» по-еврейски. Но перехожу к делу. Господа! Изобретение Клавдия перевернуло наше представление о выборах. Не впервые наука приходит на помощь демократии, но впервые мы знаем заранее и абсолютно точно, за кого нам следует отдать свои голоса. Впрочем, несмотря на абсолютную ясность, вопросы, конечно, ещё имеются, поэтому сразу с них и начнём? Желающие есть? Пожалуйста...

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Еженедельник «Секс-бизнес-новости». У меня вопрос к Клавдию... Каковы отзывы Билла Гейтса о вашей программе?

ГОЛОС КЛАВДИЯ. Он собирается активно внедрять её у себя на родине.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Означает ли это, что Майкрософт собирается её купить?

ГОЛОС КЛАВДИЯ. И не только Майкрософт. Заинтересованы многие страны.

ЛЕВЫКИН. Один вопрос, господа, не больше одного вопроса!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Журнал «Тайная слабость». Что вас натолкнуло на создание программы «Российская харизма»?

ГОЛОС КЛАВДИЯ. Очевидность. В менталитете любого народа живёт образ желаемого героя. Его пытаются угадать и создать творцы всех времён и народов. Когда это удаётся, то возникают любимые архетипы: Иванушка-дурачок, Илья Муромец, Василий Тёркин, Татьяна Ларина и так далее. Мы их любим интуитивно и безотчётно. Эта особенность сродни любви с первого взгляда. Мы ещё ничего не знаем о носителе образа, — кто он, откуда, что собой представляет? — а уже любим его, любим, заметьте, не самого человека, а только его образ. Не следует ли признать, что этот образ жил в нашем сознании ещё до встречи с его непосредственным носителем? А раз это так, то, значит, он дан нам свыше.

ЛЕВЫКИН. Этим и объясняется огромный интерес народа к программе Клавдия. Нас буквально засыпали своими фотографиями желающие примериться к так называемой «Российской харизме». Письма идут со всей страны, а также из ближнего и дальнего зарубежья. Мы все поступающие фотографии честно вводим в программу, но безусловным лидером по чёткости харизмы как был, так и остаётся Родион Родионович Бестужий. Что тут скажешь? Вот уж действительно выбор компьютера — выбор народа! Поприветствуем, това... господа!.. *(Поворачивается к портретам на занавесе и аплодирует вместе с залом.)* Спасибо, спасибо! Я очень тронут... Но будем продолжать... Пожалуйста...

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Народно-патриотический орган «Правда-матка». Я, конечно, извиняюсь...

ЛЕВЫКИН. Пожалуйста, не надо!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ *(с угрозой)*. Не понял?

ЛЕВЫКИН. Если не употреблять выражений, за которые собираетесь приносить извинения, то извиняться не придётся.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Но у меня вопрос!

ЛЕВЫКИН. Очень хорошо, извольте!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Хотелось бы прояснить, господин добровольный биограф: это всё ж-таки, извиняюсь за выражение, ваш президент или наш?

ЛЕВЫКИН. Не понял. В каком смысле?

КЛАВДИЙ. Вопрос ясен. Отвечаю по существу: настолько же наш, насколько и ваш.

ЛЕВЫКИН. Конечно! Наш президент — общий, това...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Ваш президент в Тель-Авиве!

ЛЕВЫКИН. Ещё вопросы есть?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Журнал «Культура от свободы». Нам лично очень симпатичен образ нашего президента, но, как известно, форма и содержание не всегда совпадают. Что на этот счёт думает сам Клавдий?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Любовь зла, полюбишь и козла!

КЛАВДИЙ. Совершенно верно.

УНЫЛЫЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Опять козла?

ЛЕВЫКИН. Ну, почему же опять? Наш президент вовсе не ко... Поприветствуем, това!.. *(Поворачивается к занавесу, хлопает в ладоши.)* Будем продолжать, господа... Пожалуйста!..

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ *(девушка)*. Интернет-газета «Модная тусовка». Клавдий, а вы сами влюблялись с первого взгляда?

КЛАВДИЙ. Влюблялся! Эта девушка сейчас сидит перед вами и смотрит на моё изображение. Правда, Мария?

МАША. Клавдий!

КЛАВДИЙ. Но, увы, она влюблена в другого, и этого человека вы тоже знаете... Его имя Бестужий Родион Родионович, наш президент!

ЛЕВЫКИН. Поприветствуем, това!..

МАША *(вскакивая)*. Это неправда!

КЛАВДИЙ. Такова жизнь. Я завидую и грущу. Но любить — это так здорово! Прощу прощения... Ко мне Билл и с ним, кажется, король Саудовской Аравии... Так и есть... Здравствуйте, господа, проходите!

Шум зала.

ЛЕВЫКИН. Спокойней, спокойней, това... Господа! Мы продолжаем... Билл Гейтс и король Саудовской Аравии нам не помеха. Хотя, конечно же!.. Вот вам и не приглашали известных людей! Маша, садитесь.

МАША. Но это же неправда!

ЛЕВЫКИН. Мы ценим вашу скромность, но не будем сейчас выяснять интимные отношения. *(Сквозь зубы.)* Садитесь, Маша, садитесь!

МАША садится и в сердцах захлопывает крышку ноутбука.

ЛЕВЫКИН *(испуганно)*. Зачем вы захлопнули Клавдия? У нас же виртуальная конференция, он должен участвовать! Немедленно откройте!

МАША. Не буду!

Отворачивается.

ЛЕВЫКИН. Това... господа! Мария Львовна немного расстроилась, что её чувства к нашему президенту, так сказать, обнажены и обнародованы... Девичью стыдливость можно понять и приветствовать... У вас опять вопрос? Или извинения?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Народно-патриотический орган «Правда-матка». Хочу сказать, что мне, в общем-то, не за что было извиняться. В конце концов, мы — в своей стране, и какой-то там Билл Гейтс и король, пусть даже и Саудовской Аравии, могут, если не нравится, утереться...

ЛЕВЫКИН. Попрошу вас соблюдать дипломатию!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА *(приподнимаясь и стуча о графин)*. Похабить как бы не будем, да — не в бане!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Короче, у меня вопрос к Маше. Скажи-ка, Маша, честно: вы кто по национальности?

ЛЕВЫКИН. Не понимаю, какое это может иметь значение?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Не хотите отвечать? Всё ясно. Тогда поставим вопрос по-другому: вы влюбились в нашего президента до компьютерного выбора или уже после?

ЛЕВЫКИН. Я снимаю ваш вопрос!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Можете снимать, только и биографию нашего президента мы сами напишем, без вашего участия, господин Бекицер Яков Самуилович, совершенно понятно какой национальности!

ЛЕВЫКИН. Я же объяснял: моя фамилия Левыкин!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Бекицер, мать твою!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА *(вставая)*. Попрошу как бы не антисемитить! Не в синагоге!

Шум в зале.

ЛЕВЫКИН. Спасибо, Жизель Ивановна. *(В зал.)* Хочу сказать только одно: я-то давно привык к подобным эксцессам. В этой стране они, к сожалению, не удивительны. Но пощадите хотя бы сидящую перед вами бедную юную девушку, виновную лишь в том, что в её нежном сердце неутомимым жаром полыхает любовь к нашему народному президенту!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Полыхай, Машка, не бойся! Мы с тобой!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Выбор президента — выбор народа! Не сопротивляйся!

МАША встает и убегает.

ЛЕВЫКИН. Куда же вы?.. А связь?..

ИЗМАЙЛОВ. Спокойно! Связь не прервана.

ЛЕВЫКИН. Связь не прервана! Продолжаем, продолжаем, това... Ещё вопросы имеются, господа?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Журнал «Нечеловеческая жизнь». У меня вопрос к председателю общества бездомных животных. Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к искусственным кормам, типа вискас, педигри и тому подобное. Заранее спасибо.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Вопрос, товарищи, как бы не простой. Действительно, положение сейчас складывается таким образом, что армия бездомных животных в нашей стране как бы катастрофически прирастает и кормов любых, хоть натуральных, хоть искусственных, как бы периодически не хватает. Дело доходит до смешного. Если в Москве ещё как бы немного терпимо, то в других городах животные вынужденно сбиваются в дружные стаи и начинают вести себя как бы уж совсем не по-домашнему.

ЛЕВЫКИН. Жизель Ивановна?..

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Я закругляюсь. Но положение как бы усугубляется. Из ближайших лесов, товарищи, всё как бы настойчивее начинают выходить их как бы дикие сородичи, ведь жители окрестных мест, товарищи, как бы поубивали естественный прокорм этих диких животных. Поэтому налицо как бы конфликт между теми, кто как бы хочет есть и теми, кому как бы жрать, извините за грубое слово, уже особенно нечего. Так что нам всем как бы необходимо задуматься: спасут ли нас всех вискас и педигри в такой, прямо скажем, как бы непростой ситуации?

ЛЕВЫКИН. Спасибо за содержательное выступление. Мы обязательно задумаемся.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Будем как бы надеяться, что наш президент обратит своё внимание, и кормов разных, хоть искусственных, хоть и настоящих, будет как бы предостаточно.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Почему скрываете президента от народа? Почему не показываете?

ЛЕВЫКИН. Мы его нигде не скрываем, това... Но, господа, согласитесь, до недавнего времени он сам, скромный труженик отечественной Мельпомены, ничего не подозревал о своей глобальной миссии. Теперь он готовится к публичным выступлениям и в скором времени выйдет на российскую и, будем надеяться, мировую сцену!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ (*иностранец*). Газета «Олрайт, Россия!». Скажите, пожалуйста, был ли введен в программу Гитлер, Сталин и кто-то ещё такой тоталитарный?

ЛЕВЫКИН. Очень важный вопрос, това... Но этот вопрос к Клавдию. Георгий Константинович, вы сказали, связь есть?

ИЗМАЙЛОВ (*в ноутбук*). Клавдий, вы следите за нами?

КЛАВДИЙ. Очень внимательно, Георгий Константинович!

ИЗМАЙЛОВ. К вам вопрос.

ЛЕВЫКИН. Из газеты «Олрайт, Россия!». Интересуются: были ли введены в вашу программу характеристики Гитлера, Сталина, Макашева, Ампилова?

КЛАВДИЙ. Отвечаю по существу. Гитлер, как известно, не является национальным героем России, а вот Сталин... Одним словом, я его ввёл. С остальными — воздержался!

Аплодисменты из зала.

ЛЕВЫКИН. Думаю, можно было воздержаться и со Сталиным. Чтобы не замутил, так сказать, чистый образ нашего президента.

КЛАВДИЙ. Не все в России думают так, как вы, Яков Самуилович. (*Аплодисменты из зала.*) Извините, ко мне, кажется, опять Билл...

ЛЕВЫКИН. Клинтон! (*В зал.*) Это, разумеется, шутка, господа!

КЛАВДИЙ. Никакая это не шутка! Здравствуйте, Билл, проходите!

В ответ слышна английская речь.

ЛЕВЫКИН. Не знаю, что и сказать, не нахожу слов... Господа! Это же!..

КЛАВДИЙ. Тут у нас небольшая конференция по поводу будущих выборов президента России. Не соблаговолите ли сказать несколько слов российским избирателям?

Слышна английская речь. Затем голосом Клинтона.

КЛИНТОН. Здравствуйте! (*Переходит на английский.*) Wish to you to select worthy you of the president and to get out of economic impasse. The American people will welcome any your choice and will be glad, if the president of Russia will appear mister Бестужий. До свидания!

КЛАВДИЙ. Благодарю вас, господин экс-президент! Сейчас я попрощаюсь с соотечественниками, и мы приступим к вашему делу. Господа соотечественники, я вынужден откланяться. Моё время истекло. До скорой встречи на горячо любимой родине!

ЛЕВЫКИН. Погодите! Что сказал Клинтон? Клавдий! Клавдий! (*В зал.*) Переводчика! Есть кто-нибудь, кто может перевести? Кто-нибудь что-нибудь понял?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А чего не понять? Здравствуйте, он сказал, и до свидания!

ЛЕВЫКИН. Это мы слышали, а в середине?.. Сама речь?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ (*иностранец*). Я можно переводить... Клинтон и американский народ желают вам, чтобы вы избрал своего президента, и ничего не будет иметь против мистер Бестужий, если это будет выбор демократического большинства. Я не так понятно сказал, да?

ЛЕВЫКИН. Так, так! Я потрясён! Спасибо Билл... от всего нашего многонационального!.. Поприветствуем, това!.. Господина экс-президента Соединенных Штатов Америки! Ура!.. Ура! Может, он нас услышит?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Америка, не жми кредиты!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Да здравствует Клавдий — компьютерная мать нашего президента!

ЛЕВЫКИН. Поприветствуем, това!..

Шум в зале. ПАРТИЙНАЯ ДАМА рукоплещет стоя, БУФЕТЧИЦА вытирает слезы.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Есть предложение!

ЛЕВЫКИН. Слушаю!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Вопросы закрыть, буфет открыть!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Народ поддерживает!

ЛЕВЫКИН. Я не возражаю, това... Какие могут возражения, господа, если народ поддерживает?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А почему президента в театре зовут бесстыжим?

БУФЕТЧИЦА (*вскакивает*). Да кто ж зовёт-то? Никто уж и не зовёт! Он, если и норовил когда на халяву, то не для себя старался, для народа. Бывало, сидит в буфете с артистами, и всё угощается, всё угощается! И сам, и других... А уж весёлый какой был!..

ЛЕВЫКИН. Ефросиния Степановна, почему был? Родион Родионович и теперь живее всех живых, то есть — с нами!

БУФЕТЧИЦА. И где ж он, касатик наш ясноглазый? Уж какую неделю нос в буфет не кажет!

ЛЕВЫКИН. Вот оно доброе отзывчивое сердце простой, не побоюсь этого слова, русской бабы! Спасибо вам, дорогая! *(Порывисто обнимает и целует БУФЕТЧИЦУ, потом кланяется ей в ноги.)* Низкое вам спасибо!

БУФЕТЧИЦА. Уж хоть бы покормить его, что ль, поскорей!

ЛЕВЫКИН. Женщины России с нами! Это главное, това... Ну почему мне всё время хочется называть вас товарищами? Да потому что, если честно сказать, ну, какие же мы все господа, товарищи?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Господа у нас в Думе заседают.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Среди товарищей!

ЛЕВЫКИН. Товарищи — ведь не в смысле товарищи, а в смысле друзья, други, собратья! Правильно? У вас вопрос, товарищ?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ *(женщина)*. Попрошу товарищем меня всё-таки не называть.

ЛЕВЫКИН. Вы, простите, из какого органа будете?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Из внутреннего!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СМИ. Я не из органа, я просто...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Дура! В буфет пора, а она время отнимает.

ЛЕВЫКИН. Ну, зачем же так? У нас демократическое движение. Каждая ду... пardon!.. дама имеет право на свой вопрос и на свой ответ. Однако первым поступило предложение подвести черту, закруглиться, так сказать, по первой части... Я должен исполнить волю большинства... Георгий Константинович, не желаете ли... в заключение?..

ИЗМАЙЛОВ. В заключение — нет. В буфет — да!

Уходит.

ЛЕВЫКИН берёт БУФЕТЧИЦУ И ПАРТИЙНУЮ ДАМУ за руки и, раскланиваясь, отступает в глубь сцены. Занавес тем временем поднимается, и все трое оказываются в кабинете ИЗМАЙЛОВА, где сидят МАША и КЛАВДИЙ. Дамы, похоже, ничего странного в присутствии Клавдия не находят, а ЛЕВЫКИН впадает в транс. Появившиеся РАБОЧИЕ, уносят мебель, ЛЕВЫКИНА же просто передвигают как вещь. Тем не менее, он машинально прихватывает с уносимого стола ноутбук и, заглядывая в него, движется к КЛАВДИЮ.

КЛАВДИЙ *(МАШЕ)*. Вы должны понять, что если бы вас предупредили, то вышло бы ненатурально.

МАША. Гораздо бы лучше вышло! А то я как дура какая-то... Ещё и в еврейки попала.

КЛАВДИЙ. А вы разве, нет?..

МАША. Конечно, нет!

КЛАВДИЙ. Жаль! Еврейский вопрос нам обязательно надо зацепить, без него в России-матушке никакая политика не делается. *(Приблизившемуся ЛЕВЫКИНУ.)* Верно, Яков Самуилович?

ЛЕВЫКИН *(показывая в ноутбук)*. Я не понимаю... А как же Билл Гейтс, Клинтон?!

КЛАВДИЙ. А что с ними случилось?

ЛЕВЫКИН. Вы же только что разговаривали... с ними... с нами... из Нью-Йорка...

Показывает ноутбук.

КЛАВДИЙ. Разговаривал. Ну и что?

ЛЕВЫКИН. Из Нью-Йорка?!

КЛАВДИЙ. Да я только что оттуда, Марию Львовну, вот, вернулся утешить. Она обиделась, что её незаслужено причислили к богоизбранному народу.

МАША. Не передергивайте! Я не на это обиделась!

ЛЕВЫКИН. Но как?.. Если из Нью-Йорка?..

КЛАВДИЙ. А Интернет на что?

Забирает у ЛЕВЫКИНА ноутбук.

ЛЕВЫКИН. Да, но... Разве это уже возможно?

КЛАВДИЙ. Почему бы и нет? Обычная телепортация. Ну что вы смотрите? Хотите, пощупайте меня. Я — не виртуальный!

ЛЕВЫКИН. Это, наверное, необязательно. *(Дотрагивается до КЛАВДИЯ.)* Действительно...

КЛАВДИЙ. Примите поздравления, — замечательно провели конференцию, замечательно!

ЛЕВЫКИН. Спасибо. Накладочки кое-какие были, но... Ещё один вопрос... если позволите... По Интернету... так уже все могут... или... пока только избранные?

КЛАВДИЙ. Пока не все, но Клинтону вы очень понравились.

ЛЕВЫКИН. Правда? А Биллу Гейтсу?

КЛАВДИЙ. Все в восхищении. Так что огромное вам спасибо. *(ЖЕНЩИНАМ.)* И вам, разумеется, тоже. *(ПАРТИЙНОЙ ДАМЕ.)* Вы так проникновенно говорили о бездомных животных...

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Я могла бы как бы и попопнее...

КЛАВДИЙ. Мы там в Нью-Йорке все как бы даже немного растрогались. *(БУФЕТЧИЦЕ.)* Ваша речь, уважаемая Ефросиния Степановна, тоже всех тронула. От всей души расстарались! А уж Яков Самуилович-то как нашёлся с поклоном, даже Билл поразился!

ЛЕВЫКИН. Клинтон?

КЛАВДИЙ. На этот раз Гейтс. Ну *(потирает руки)*, пора и расчёт произвести за проделанную работу.

БУФЕТЧИЦА. Я прямо как от всей души, сама даже удивилась...

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. А я как бы сначала не туда попёрла, а потом вроде ничего... как бы вывернула...

КЛАВДИЙ. Всё как бы очень даже здорово получилось. Держите *(вручает деньги)*, добрейшая Ефросиния Степановна, вам, любезная Жизель...

ЛЕВЫКИН. Ивановна...

КЛАВДИЙ. Совершенно верно. Ну *(складывает на груди руки)*, ещё раз премного благодарен, уверен, что как бы не в последний раз...

БУФЕТЧИЦА. Спасибо большое. *(Хрустя купюрами.)* Как жить-то стали, с нашим президентом, красота!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Я как бы это, в случае чего, хоть куда!

КЛАВДИЙ. Берегитесь современных животных. Яков Самуилович! С вами я ещё не прощаюсь, проводите дам и — обратно в штаб.

ЛЕВЫКИН. Слушаюсь!

ЛЕВЫКИН, БУФЕТЦИЦА, ПАРТИЙНАЯ ДАМА уходят.

МАША. Вы, Клавдий, оказывается, страшный человек.

КЛАВДИЙ. Совсем нет. Просто на общем фоне я немного выделяюсь. Но Левыкин-то каков? Поверил в телепортацию!

МАША. Вы и рады.

КЛАВДИЙ. Да ведь забавно же. Ах, Мари, это грустно признавать, но в России, кто больше врёт, тому больше и верят.

МАША. Наверное, всюду так.

КЛАВДИЙ. Не скажите. В России в чудеса не просто верят, их жаждут. Я, например, не знаю ни одного человека, который не мечтал бы найти дипломат с деньгами.

МАША. Я не мечтала.

КЛАВДИЙ. Значит, мечтали о чём-то другом, может, об ещё более несбыточном.

МАША. Я и сейчас мечтаю.

КЛАВДИЙ. Вот-вот! И все мы такие. Поэтому заставить всю страну сидеть перед телевизорами с банками воды для зарядки какой-то там космической энергией, ничего не стоит, а вот, скажем, убедить навести порядок в своих дворах и подъездах практически невозможно. Нет, Мария, главное, чтобы ложь не походила на правду. В правду никто не верит, дураков нет, а в мечту, в чепуху какую-нибудь немыслимую — легко и охотно!

МАША. Вот вы и пользуетесь.

КЛАВДИЙ. Ну, перестаньте дуться, Мария. Президент у нас холост, в его сорок лет это выглядит несколько подозрительно. Должна же у него быть пассия, отношения...

МАША *(вскакивая)*. Ни за что!

КЛАВДИЙ. Это же только роль, игра!

МАША. И после этого вы говорите, что любите меня?

КЛАВДИЙ. Конечно, люблю!

МАША. Вы — чудовище!

КЛАВДИЙ. Да нет же! В конце концов, это даже и не я придумал.

МАША. А кто? Кто ещё, кроме вас, способен на такое... непотребство?

КЛАВДИЙ. Георгий Константинович. Но мне его план тоже понравился.

МАША. Георгий Константинович?!

ИЗМАЙЛОВ *(входя)*. В чём дело?

МАША *(ИЗМАЙЛОВУ)*. Неужели это вы?.. Что я влюблена? В Бестужего?

ИЗМАЙЛОВ. Да это я. А где Левыкин?

КЛАВДИЙ. Сейчас подойдёт.

ИЗМАЙЛОВ *(МАШЕ)*. Конечно, я сказал! Позже всё поймёте.

КЛАВДИЙ. Это же обыкновенная игра. *(Подходит к МАШЕ.)* Вы же хотите стать актрисой...

ИЗМАЙЛОВ. Кто хочет стать актрисой? Мария Львовна?

КЛАВДИЙ. Простите, я невольно выдал вашу тайну...

ИЗМАЙЛОВ. Тайну? Что за чепуха?

МАША *(сглатывает слезы)*. Это не чепуха!

ИЗМАЙЛОВ. Ну, какая, к чертям собачьим, из вас актриса? Вздор!

МАША. Вы!.. Вы!..

Убегает.

КЛАВДИЙ *(с укором)*. Она же влюблена в вас...

ИЗМАЙЛОВ. В меня влюблены многие, и, особенно те, кто мечтает стать актрисами.

КЛАВДИЙ. Вы — замечательный режиссёр. Левыкин-председатель — это находка. И, вообще, вы правы: чем больше нелепостей, тем больше восторгов.

ИЗМАЙЛОВ. То ли ещё будет. Мы всю страну на дыбы поставим. *(Просительно.)* Разыщите Машу.

КЛАВДИЙ встаёт, но МАША сама входит в кабинет. Идёт к своему месту, останавливается и обращается к ИЗМАЙЛОВУ.

МАША. Я обманула вас, вернее, не сказала... Я, действительно, устроилась в театр, чтобы... Думала, рядом с вами наберусь необходимого мастерства, знаний... И когда-нибудь, когда, например, внезапно заболеет актриса и спектакль нужно будет отменять, я вам откроюсь...

ИЗМАЙЛОВ. Вздор.

МАША. Ну почему вздор? Я выучила все роли, знаю, как нужно ходить, дышать, чувствовать!

ИЗМАЙЛОВ. Хорошо! Вы — на сцене. Показывайте что-нибудь!

МАША. Здесь?

ИЗМАЙЛОВ. Здесь! Здесь же сцена — играйте!

МАША. А что?

ИЗМАЙЛОВ. Неважно, любой монолог. Допустим, из того места, где Елена говорит Соне: «У тебя прекрасные волосы»...

МАША *(входя в роль Сони)*. «Нет! Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лет, люблю больше, чем свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатие его руки; и я смотрю на дверь, жду, мне всё кажется, что он сейчас войдёт».

Смотрит на ИЗМАЙЛОВА.

ИЗМАЙЛОВ. И вот я вхожу... *(Изображает вхождение.)* Продолжайте!

МАША. Вы смеётесь надо мной!

Убегает.

КЛАВДИЙ. По-моему, она лишена дара. Во всяком случае, увидев её на сцене, я бы в неё, пожалуй, не влюбился.

ИЗМАЙЛОВ. И напрасно, Клавдий, — она не безнадежна. *(Громко.)* Мария Львовна!

МАША возвращается. Входит медленно, неуверенно, ожидая рокового приговора.

ИЗМАЙЛОВ. На сцену вам ещё рановато — надо работать. А пока войдите в Интернет и пошарьте хорошенько по библиотекам. Мне нужны труды по государству и праву. Но сначала спуститесь в буфет и пригласите сюда Левыкина.

ЛЕВЫКИН. Левыкин здесь! *(Входит сияющий.)* Должен сказать, господа, вечер получил потрясающий успех! Столько поздравлений, столько тёплых слов, комплиментов... Я потрясён. *(КЛАВДИЮ.)* Вы, конечно, меня провели, разыграли, но я не сержусь. Народ в восторге! Это — главное!

ИЗМАЙЛОВ. Очень хорошо. Шума, думаю, будет много, а теперь приступим к очередным задачам. Вам, Яков Самуилович, надлежит срочнейшим образом отыскать того корреспондента из «Правды-матки»...

ЛЕВЫКИН. И видеть его не желаю!

ИЗМАЙЛОВ. Вы его отыщете и скажете, что в своих подозрениях он абсолютно прав, что Мария Львовна — действительно ставленница Сиона. Молчите, Мария Львовна! Далее. Если наш президент согласится на брачный союз с дочерью Сиона... Вы бы записывали, что ли, Яков Самуилович!

ЛЕВЫКИН. Такую информацию я запоминаю навсегда!

ИЗМАЙЛОВ. То необходимый финансовый капитал для обеспечения президентской кампании будет ему незамедлительно предоставлен.

ЛЕВЫКИН. Кем?

ИЗМАЙЛОВ. Разумеется, жидо-масонскими кругами.

ЛЕВЫКИН. Но это же неправда! Никаких жидо-масонских кругов не существует!

КЛАВДИЙ. Как это не существует?

ЛЕВЫКИН. Так! Я наводил справки, разыскивал!..

КЛАВДИЙ. Хотели вступить в ложу?

ЛЕВЫКИН. Ничего подобного! Я хотел разоблачить этот миф, развеять!..

КЛАВДИЙ. И вам это удалось, — поздравляю!

Пожимает ЛЕВЫКИНУ руку.

ИЗМАЙЛОВ. Далее. Вас, разумеется, спросят: почему вы, чистопородный еврей, помогаете истинно русским?

ЛЕВЫКИН. Вот именно! Почему?

ИЗМАЙЛОВ. Отвечайте, что любите Россию, что вы православный христианин, выкрест. Словом, что-нибудь в этом роде.

КЛАВДИЙ. И синагогу пока посещать перестаньте.

ЛЕВЫКИН. Я не посещаю синагоги!

КЛАВДИЙ. Перекреститесь!

ЛЕВЫКИН. Пожалуйста! *(Машинально крестится.)* Слушайте, что вы себе позволяете? Я вообще — атеист!

КЛАВДИЙ. А почему у вас фамилия русская?

ЛЕВЫКИН. Ну и что?

КЛАВДИЙ. Ничего, но наводит на определённого рода подозрения.

ЛЕВЫКИН. Я рассею их! Легко! В минуту душевной слабости и по настойчивому настоянию матери я взял фамилию отчима. Мне было шестнадцать, я получал паспорт... Но фамилия меня не спасает! Наоборот! Хотя я и люблю Россию!

КЛАВДИЙ. Похвально! Когда-нибудь она ответит вам тем же!

ИЗМАЙЛОВ. Довольно шуток. *(ЛЕВЫКИНУ.)* Задание не из приятных, но мы уверены, дорогой Яков Самуилович, что вы отлично справитесь. Для нас это очень и очень важно. Вам же, Мария Львовна, надлежит, и как можно активнее, любить Бесстыжего... Тьфу, ты чёрт! Вот чья фамилия нас действительно подводит. Слышали выкрик из зала?

КЛАВДИЙ. Да уж, в России ярлыки не отлипают.

МАША. Я не буду его любить, не буду!

ИЗМАЙЛОВ. Считайте, что это ваша первая роль.

КЛАВДИЙ. Берите пример с Левыкина.

ЛЕВЫКИН. Не берите. Я оглушён и раздавлен.

ИЗМАЙЛОВ. Это ещё не все, Яков Самуилович. В кратчайшее время вам надлежит восстановить историческую справедливость.

ЛЕВЫКИН. Мне? Каким образом?

ИЗМАЙЛОВ. Дело в том, что настоящая фамилия нашего президента не Бестужий, а Бестужев. Да, господа! Во время сибирского заточения или где-то там ещё декабрист Бестужев полюбил простую крестьянку...

КЛАВДИЙ (*ЛЕВЫКИНУ*). Вы бы записывали.

ЛЕВЫКИН. Неужели вы думаете, что я этого не запомню?!

ИЗМАЙЛОВ. У неё родился сын, Родион, кстати, от слова родина. Декабрист Бестужев, как благородный человек, дал ему свою фамилию. Но во время революции, гражданской войны и последующих мрачно известных событий носить заведомо дворянскую фамилию стало опасно, поэтому её слегка переменили. Вам, Яков Самуилович, надлежит всё это раскопать и соответствующим образом обнародовать.

ЛЕВЫКИН. Слушаюсь! Но, господа, это же опять вопиющая неправда?!

ИЗМАЙЛОВ. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Забыли?

ЛЕВЫКИН. Это я помню! Но почему всю грязную работу должен исполнять я?

КЛАВДИЙ. Вы в неоплатном долгу перед великим русским народом. И потом: так уж повелось, что всю грязную работу в России, — революции, перестройки, дефолты, — делают евреи. Не будем изменять традиции.

ЛЕВЫКИН. Я решительно отказываюсь! Решительно!

ИЗМАЙЛОВ. Вы приступили к работе над новой пьесой?

ЛЕВЫКИН. Над какой?

ИЗМАЙЛОВ. «Наш президент», или... как там?..

ЛЕВЫКИН. Приступил. В общих чертах...

ИЗМАЙЛОВ. Вот и старайтесь. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

ЛЕВЫКИН. А договор?

ИЗМАЙЛОВ. Мария Львовна, подготовьте договор...

ЛЕВЫКИН. с выплатой аванса!

ИЗМАЙЛОВ согласно кивает.

КЛАВДИЙ. И помните, Интернет к вашим услугам.

ЛЕВЫКИН. В каком смысле?

КЛАВДИЙ. В смысле телепортации нужной информации.

ИЗМАЙЛОВ. За работу, Яков Самуилович, за работу!

ЛЕВЫКИН. А что мне ещё остаётся, если я жертва традиции? Слушаюсь...

Уходит.

ИЗМАЙЛОВ. Умом Россию не пронять! Это я сегодня точно прочувствовал. Раньше я думал, что Россия — это ясноглазый ребенок, у которого всё хорошее ещё впереди, а сегодня понял, что это уже перезрелая дурища. Дурь, дорогой мой Клавдий, — это и есть наша особенная статья, ею мы и знамениты особо!

КЛАВДИЙ. А как же великий русский народ?

ИЗМАЙЛОВ. Где вы видите народ? Без общего дела народа не бывает. Сегодня мы наблюдаем оголтелый и неприкаянный сброд, где каждый сам по себе рвёт и мечет, спасается и погибает. Разве это народ?

МАША. Неправда. Люди у нас хорошие.

ИЗМАЙЛОВ. О да, у нас очень хорошие люди, очень!

КЛАВДИЙ. Просто замечательные люди!

МАША. Только с ними обращаются плохо!

ИЗМАЙЛОВ. А вы не позволяйте плохо, ежели вы — люди, а тем более — народ!

МАША. У нас, в Воронеже, мать двух своих детей убила, а потом и себя. Ей их кормить нечем стало.

ИЗМАЙЛОВ. Ну и дура! Лучше бы на панель пошла.

МАША. Она не дура, и на панель она не пошла! И народ наш — не проститутка, это правители у нас такие! Вам бы всё только измываться над народом! Он вам верит, любит вас, а вы!.. Вам бы только обманывать нас, обманывать!

ИЗМАЙЛОВ. Прекратите истерику!

МАША. Прекращаю! И ухожу от вас! Эта роль не для меня!

ИЗМАЙЛОВ. Скатертью дорога! (КЛАВДИЮ.) Когда вы мне предоставите этого нашего президента?

КЛАВДИЙ. Он просил ещё неделю.

ИЗМАЙЛОВ. Что, значит, просил? Он может и год проспять!

КЛАВДИЙ. Он почти не спит.

ИЗМАЙЛОВ. Вот как? Чем же он занимается? Пьёт? Бля!.. (МАШЕ.) Вы ещё здесь, Мария Львовна?

МАША. Здесь!

ИЗМАЙЛОВ. Тогда займитесь делом. «Государство и право», я сказал. И «риторику» заодно!

МАША (сердито). Знаю!

Садится за компьютер.

ИЗМАЙЛОВ (КЛАВДИЮ). О чём, бишь, мы?

КЛАВДИЙ. Вы спрашивали, чем занимается наш президент?

ИЗМАЙЛОВ. Да! Чем же?

КЛАВДИЙ. В основном, читает.

ИЗМАЙЛОВ. Романы?

КЛАВДИЙ. Читал и романы.

ИЗМАЙЛОВ. И что же?

КЛАВДИЙ. Говорит, дельного мало. Философские труды его больше удовлетворяют.

ИЗМАЙЛОВ. Надо же! Философ выискался.

КЛАВДИЙ. Кстати, он вам просил передать, что «Дядя Ваня» трактуется вами неверно. Хотя, говорит, это не столько ваша вина, сколько самого Чехова.

ИЗМАЙЛОВ. Так и сказал? Что вы с ним натворили, Клавдий?

КЛАВДИЙ. Да ничего особенного. Я освободил его от алкогольной программы, сознание очистилось, и теперь он видит вещи такими, какие они есть на самом деле.

ИЗМАЙЛОВ. Какой вздор! И что же он по Чехову видит?

КЛАВДИЙ. Профессор Серебряков приехал к своему родственнику в деревню, приехал не один, а с молодой и красивой супругой...

ИЗМАЙЛОВ. Это мы всё знаем — дальше!

КЛАВДИЙ. А дальше, и этот родственничек, и его друг, доктор Астров, полагающие себя единственно порядочными людьми во всем уезде, накидываются на эту молодую особь, как изголодавшиеся кобели...

ИЗМАЙЛОВ. Это он так говорит, Бестужий?

КЛАВДИЙ. Ну, разумеется. При этом, всячески, — и за глаза, и прямо, — поносят старого и больного человека. Пьянствуют, обманывают друг друга и, наконец, стреляют в

него... Они, видите ли, эти единственно порядочные во всем уезде люди, глубоко несчастны, и старый больной профессор в этом, оказывается, виноват. В чём же? В том, что не оправдал чьих-то необоснованных ожиданий и не стал гением? Я тоже не стал Качаловым...

ИЗМАЙЛОВ. Это он так говорит?

КЛАВДИЙ. Ну не я же.

ИЗМАЙЛОВ. Да, пора ему вправлять мозги!

КЛАВДИЙ. Возможно. Однако если подумать, он не так уж и не прав. С моралите у этих двух порядочных людей явно не задалось, явно.

МАША. Какая оригинальная трактовка!

ИЗМАЙЛОВ. Вздор! Профессор Серебряков заедает чужие жизни ради своей собственной! Он — паразит!

КЛАВДИЙ. Но ведь насильно к тому он никого не принуждает. Делает, как умеет, своё дело, и других зовёт. «Надо дело делать, господа!» — это ведь Серебряков говорит.

ИЗМАЙЛОВ. Это резонерство, ханжество и кощунство!

КЛАВДИЙ. Не знаю, говорит он об этом вполне искренне. И профессором, кстати, тоже, просто так, без труда, в те времена не становились. Стало быть, вполне работающий был старикашка. А Чехов ваш, вообще — антирусский писатель!

ИЗМАЙЛОВ. Это ещё почему?

КЛАВДИЙ. Во-первых, сама фамилия — Чехов, — не Русский же, правильно? — а во-вторых, ни одного положительного героя. Кроме, человека в футляре.

ИЗМАЙЛОВ. Это он так говорит? Бестужий?

КЛАВДИЙ. Это мы уже оба говорим. Шутим, разумеется. А насчет правнука декабриста Бестужева это вы круто придумали — ценю!

ИЗМАЙЛОВ. Доберусь я до этого декабриста! Он у меня живым с этой сцены не уйдёт!

МАША (КЛАВДИЮ). А нельзя мне к вам присоединиться?

КЛАВДИЙ. В каком смысле?

МАША. К вашим занятиям. Вы ведь на мне тоже свои образовательные программы можете испытывать. А то я такая дура, ничего не знаю.

КЛАВДИЙ. Вы на себя наговариваете.

МАША. Нет-нет, я глупа, невежественна и наивна.

ИЗМАЙЛОВ. Лишний груз знаний вам только повредит, Мария Львовна. Красивая, да еще и умная! К вам ни один мужик не подойдёт.

МАША. Мне мужик и не нужен. (КЛАВДИЮ.) Я бы с радостью к вам присоединилась.

КЛАВДИЙ. Сочту за счастье.

ИЗМАЙЛОВ. Хватит нам и одного с ума сошедшего. Да и не верю я особо в эти компьютерные штучки. (КЛАВДИЮ.) Хотите сказать, что он будет знать три языка?

КЛАВДИЙ. Это не предел его возможностей. Вчера он, к примеру, стал вегетарианцем.

МАША. Это всё ваши программы. Ну, возьмите же меня к себе!

ИЗМАЙЛОВ. Оставьте, Клавдия! И что же ещё господин Бестужев выделявает?

КЛАВДИЙ. Размышляет. Кстати, государством и правом живо интересуется. Иногда что-то пишет, но немного.

ИЗМАЙЛОВ. Мыслитель! Хорошо хоть не пьёт.

КЛАВДИЙ. От вредных привычек освободился. За это ручаюсь. Метод испытанный, и не на мне одном. Так что ни алкоголем, ни табаком наш президент теперь не отравляется. Больше того, он теперь ярый поборник абсолютно трезвого образа жизни.

ИЗМАЙЛОВ. Ещё сухой закон введёт, чего доброго.

КЛАВДИЙ. За это будем бороться.

ИЗМАЙЛОВ. Слушайте, что вы с ним сделали? Чтобы Бестыжий и — за сухой закон! Да в театре, пардон, все обмочатся со смеху.

КЛАВДИЙ. Что же тут смешного? Если бы люди перестали отравляться алкоголем, в мире бы многое изменилось, а уж в России — подавно.

МАША. Что, например?

КЛАВДИЙ. Люди трезво взглянули бы на окружающий мир и определили бы его настоящие ценности, а не иллюзорные. Ведь не секрет, Мария, что в России одна половина дел делается ради водки, а другая половина — из-за водки.

ИЗМАЙЛОВ. Пьют много — это верно, и зла от неё, подлюки, гораздо более, чем пользы.

КЛАВДИЙ. Пользы — ни малейшей!

ИЗМАЙЛОВ. Не будем углубляться. А вот то, что нашего Родиона удалось, как вы выражаетесь, от этой зависимости освободить, огромное достижение. Мне теперь с ним много легче работать будет, спасибо.

КЛАВДИЙ. Не я освободил, он сам освободился. С помощью гениальной методики Геннадия Андреевича Шичко, царствие ему небесное.

Крестится.

МАША. Вы разве верующий?

КЛАВДИЙ. А вас это удивляет?

МАША. Вы же ученый!

КЛАВДИЙ. Настоящей науке религия не помеха. Наоборот, чем ближе к Богу, тем ближе к истине.

Входят ЛЕВЫКИН и ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Оба возбуждены и навеселе, причём ЛЕВЫКИН значительно сильнее, так что ПАРТИЙНОЙ ДАМЕ приходится его поддерживать.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. А говоришь, все как бы того... разбежались. Здравствуйте! Давно как бы не видались.

ЛЕВЫКИН. Георгий Константинович! *(С распостёртыми объятьями идёт к ИЗМАЙЛОВУ, обнимает его.)* Мария Львовна! *(Целует руку.)* Клавдий! *(Идёт к КЛАВДИЮ.)* С Интернетом вы меня провели!.. Но я не в претензии... Давай, поцелуемся!

КЛАВДИЙ. Яков Самуилович! Что за пассаж? На нас же дамы смотрят!

ЛЕВЫКИН *(оглядывается)*. Дамы?! А что нам дамы? Мы потом и дам... Ааа! *(Щиплет игриво ПАРТИЙНУЮ ДАМУ.)* Расцелуем! Так?

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Яков!

ИЗМАЙЛОВ. Вы где набраться успели?

ЛЕВЫКИН. На вашем задании!

КЛАВДИЙ. Всё ясно — антисемиты вас перевербовали!

ЛЕВЫКИН. Никак нет! Спецзадание — тсс! — успешно выполнено! *(Прикладывает палец к губам, оглядывается.)* Деза прошла! Кстати... *(Оглядывается на ПАРТИЙНУЮ ДАМУ.)* Сексуальное название — правда-матка! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Оказался вот такой парень! Антисемит махровый, но с убеждениями! Кое за что он нас евреев, между прочим, совершенно верно... Христа распяли? Я говорю: не распинал, вот те крест! Друзья мои! Я же почти православный коммунист! *(КЛАВДИЮ.)* Да, коммуняка!.. И в

синагогу к себе не хожу, не-е-ет! *(Всхлипывает.)* Я, откровенно сказать, чаще по ба... А вы чего здесь всё сидите-то? Даже нам с Жизи расположиться негде вот на этом самом диване.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Ты чего как бы несёшь? На каком как бы на диване?

ЛЕВЫКИН. Как бы на этом. *(Догадывается.)* Ааа! Вы все на спецзадании... Тсс! *(Чуть не падает.)* Можете расслабиться... Деза прошла!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Стоять! *(Подхватывает.)* Они ему как бы проверку устроили, стакан водки налили и говорят: «примешь на грудь, значит, наш!» Я говорю: «давай, как бы вместо него приму»? Они говорят: «отдыхай, ты как бы и так вся своя».

КЛАВДИЙ. Но потом всё-таки дали.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. А куды ж они денутся, коблы? Свои же все! А Яков Самуилович-то наш стакан взял, изготовился, значит, на грудь принять, а они его тут и спрашивают: «ну, говорят, еврей, скажи, как бы за что пьёшь»?

ЛЕВЫКИН *(вытягивает руку с воображаемым стаканом)*. За вас, за русских!

Чуть не падает.

МАША. Бедненький!

ЛЕВЫКИН *(всхлипывает)*. Я — как Штирлиц! Один! В окружении!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Один?! А кто ж тебя из окружения-то как бы вывел?

МАША. Спасибо вам! Давайте его посадим.

Усаживают ЛЕВЫКИНА в кресло.

ЛЕВЫКИН *(неожиданно поёт)*. По диким степям Забайкалья!..

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Во даёт! *(Толкает ЛЕВЫКИНА.)* Как бы не в опере!

ЛЕВЫКИН *(осматривается, встаёт)*. Георгий Константинович! Клавдий! Мари! *(ПАРТИЙНОЙ ДАМЕ.)* Можно покурить и оправиться, мы — среди своих!

Падает в кресло и засыпает.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Спёкса как бы.

МАША. Теперь обо мне в газете напишут, да?

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Ага! В завтрашней «Правде-матке» — «Дочь Сиона жаждет нашего президента».

ИЗМАЙЛОВ. Очень хорошо! Именно это нам и нужно!

МАША *(убито)*. И что же мне делать?

ИЗМАЙЛОВ. Не унывать и вести себя адекватно.

МАША. И как долго... вести себя адекватно?

ИЗМАЙЛОВ. События покажут.

КЛАВДИЙ. Честно говоря, я не просёк вашего высшего замысла? Что нам даст эта любовная линия?

ИЗМАЙЛОВ. Даст она очень многое.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Мы с этими, из «Правды-матки» которые, создаем как бы комитет по спасению нашего президента от происков как бы жидо-масонов.

ИЗМАЙЛОВ. Видите! Страна расколется на два лагеря. Одни будут сочувствовать Марии Львовне, другие — защищать нашего президента. Ничто так не разогревает народ, особенно, его лучшую половину, как хорошо приправленная любовная история. А уж приправлять мы сумеем!

МАША. Вы ещё и приправлять будете?

ИЗМАЙЛОВ. Непременно будем, обязательно! Подробности вашего романа станут переживать вся страна, и, когда президент вас бросит, на радость махровых антисемитов, бóльшая часть российского электората сосредоточится в наших руках.

КЛАВДИЙ. Но так мы потеряем интеллигенцию?

ИЗМАЙЛОВ. А вы ещё не поняли? Интеллигенты у нас и есть главные антисемиты. Но мы ускользнём с этой скользкой темы и угодим всем. Наш президент расстанется с Мериам...

МАША. Мериам?!

ИЗМАЙЛОВ. ... не из антисемитских настроений, а из соображений высшего порядка. Он, друзья мои, повстречает свою настоящую любовь. Единственную и неповторимую!

КЛАВДИЙ. Викторию?!

ИЗМАЙЛОВ. Нет, другую! И тогда наша страна переживёт ещё одну любовную драму! На этот раз очень романтическую и возвышенную! Не осквернённую ничем земным и непотребным! Это будет чистойшей любовью. Поэтому никому не покажется противоестественным, если бракосочетание нашего президента и его избранницы будет назначено на самый главный для него и народа день — день выборов!

КЛАВДИЙ. Гениально! А как же Виктория?

ИЗМАЙЛОВ. Это и будет наша Виктория, наша победа! Мы не просто победим, молодой человек, мы победим сокрушительно, потому что при утреннем венчании невесту нашего президента убьют.

МАША. Как убьют?

ИЗМАЙЛОВ. Цинично, безжалостно и подло. Стрелять будут, разумеется, в президента, но она успеет закрыть его своей грудью.

КЛАВДИЙ (*восхищённо*). Это, конечно, ход, Георгий Константинович, ход! За нас вся страна проголосует, стопроцентно!

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Если невесту нашего президента как бы киллернут, то мы все, как один... однозначно!..

КЛАВДИЙ. А потом наш президент опять женится! Теперь уже на Виктории. Полный класс!

ИЗМАЙЛОВ. Может, он не женится никогда.

КЛАВДИЙ. Нет-нет, ему непременно надо будет жениться, у нас — условие. Но пока это не важно. Блеск, Георгий Константинович, полный блеск! Мы — в восхищении! (*Смотрит на МАШУ.*) Нет, не все в восхищении? Не все.

ИЗМАЙЛОВ. Вы в театре, Мария Львовна, в театре! У нас убивают не настоящего.

КЛАВДИЙ. Разумеется! (*Вручает ПАРТИЙНОЙ ДАМЕ стодолларовую бумажку.*) Если проговоритесь, то как бы не получите больше никогда.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Да я как бы... ни гугу — могила!

КЛАВДИЙ. А что с нашим Штирлицем будем делать? А! Гулять, так гулять. (*Вручает ПАРТИЙНОЙ ДАМЕ ещё одну бумажку.*) Держите, и Штирлиц — ваш! На весь сегодняшний вечер.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Да я его как бы на руках отсюда вынесу!

ИЗМАЙЛОВ. Не надо. Пусть спит. Вечер ещё продолжается.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. А как же?

Показывает КЛАВДИЮ бумажку.

КЛАВДИЙ. Это вам за постоянную готовность прийти на выручку двуногим.

МАША. У вас, наверное, дома животных много...

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Кстати! Хорошо, что напомнила... Позвонить как бы можно?

МАША. Конечно! А за Якова Самуиловича, пожалуйста, не волнуйтесь.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА (*набирая номер*). Да я как бы и не волнуюсь. (*В трубку.*) Ты дома? А я на заседании как бы... На каком? Про нашего президента слышал? Компьютерный который. Ну, вот, я его теперь как бы дальше двигаю. Да платят уже. Платят, говорю! Ну, всё, скоро как бы причалю. Чмок тогда. Чмок, говорю, бестолочь! Всё! Надоел! (*Кладёт трубку. МАШЕ.*) Дома животное-то. (*Смотрит на ВСЕХ, улыбается.*) Ну, я как бы побегу тогда, если не нужна как бы?

КЛАВДИЙ. Место в президиуме для вас как бы всегда готово.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА. Ага! Я как бы всегда с удовольствием... До свидания!

Уходит.

МАША. Зачем она нам? Брр!

Передёргивается.

ИЗМАЙЛОВ. Такие типы, Мария Львовна, незаменимы при проведении любой избирательной кампании. (*КЛАВДИЮ.*) Только вы напрасно деньгами сорите, нам их много понадобится.

КЛАВДИЙ. Это я под впечатлением вашего грандиозного сценария в разгул ударился. Ещё раз говорю — высший класс!

ИЗМАЙЛОВ. Мария Львовна так не считает.

КЛАВДИЙ. Ещё бы. (*МАШЕ.*) Придётся вам выдержать этот удар.

МАША. Это не удар, а грязь и мерзость!

ИЗМАЙЛОВ. Ну-ну, только не надо усложнять. В театре и не такое случается.

МАША (*с горечью*). То в театре!

ИЗМАЙЛОВ. А вы где находитесь?

КЛАВДИЙ. Вспомните, Шекспира... Жизнь — театр.

ИЗМАЙЛОВ. Нелепая и вечная трагикомедия.

МАША. Вы потому так говорите, что вам ваша собственная жизнь вам не удалась. Не творческая, а личная!

ИЗМАЙЛОВ. Я мало доволен своей жизнью, но с личными делами у меня всё в порядке.

МАША. Неправда! Иначе вы так о любви не говорили бы. Даже о чужой!

ИЗМАЙЛОВ. Как?

МАША. У вас всегда один конец — трагический! (*Передразнивает ИЗМАЙЛОВА.*) Может, он и не женится никогда! Почему не женится? Он ещё молодой наш президент!

ИЗМАЙЛОВ. Не морочьте мне голову. Пусть женится!

КЛАВДИЙ. Он должен будет жениться! По договору!

МАША. Вы только притворяетесь счастливым. На самом деле вовсе не так. Я же вижу. У вас глаза пустые, как будто вы плакали долго и все их выплакали.

ИЗМАЙЛОВ. Ну что за вздор!

МАША. Вы, может быть, и сильный человек, но все-таки не очень, потому что, если бы вы были по-настоящему сильный, то вы улыбнулись бы однажды и сказали: какое сегодня утро славное! А вы, наверное, никогда этого не скажете, никогда!

ИЗМАЙЛОВ. Таким уж я уродился: если мне чего-то не достаёт, то, как правило, этого и достать уже невозможно.

МАША. Но так нельзя жить, нельзя!

ИЗМАЙЛОВ. Можно! И самому жить, и другим жизнь отравлять. Как вам, например.

МАША. Вы не отравляете мне жизнь. Я не из-за вас вовсе в эту грязь лезу. Мне Витю жалко.

ИЗМАЙЛОВ. Наконец-то! Значит, поняла!

МАША. Я давно поняла, потому и терплю все ваши гениальности мерзкие!

ИЗМАЙЛОВ. И терпите, дорогая Машенька, терпите! Потому что Витю мы спасём, только если будем действовать наверняка. А действовать так — это, значит, бить по самым чувствительным струнам. Чтобы народ рыдал, смеялся, неистовал и шёл за нами, как голодный осёл за морковкой! С нашими обывателями это нетрудно. Они уже попались. Они поверили лозунгам Левыкина, Ефросинье Степановне, а главное, они поверили в него (*показывает на портрет БЕСТУЖЕГО*)! Что он — Избранник! Ваша харизма сработала, Клавдий. И уж если нам судьбой уготовано разыгрывать этот идиотский спектакль, то мы его и разыграем! Не хуже других и не в ущерб России!

КЛАВДИЙ. Не будем недооценивать противников.

ИЗМАЙЛОВ. Не будем. Упрёмся и победим! (*Указывает на портрет.*) Но я не хочу ограничиться формальной победой. Я вложу в Родиона всю свою душу, весь талант, все свои знания. Я научу его говорить, ходить, держаться. Клянусь, он у меня не сойдёт со сцены до тех пор, пока не перевоплотится в свою роль, пока не переродится в настоящего президента, достойного нашей великой страны!

КЛАВДИЙ. Опять придыхания.

ИЗМАЙЛОВ. Без этого не обойтись. Наш план нелеп, и воплотить его в реальность можно только силой искусства. Ибо только оно способно творить чудеса! И я докажу это с Бестужевым, докажу!

МАША. Ах, если бы вы так со мной поработали!

ИЗМАЙЛОВ. Придёт и ваш черёд.

МАША. Когда?

ИЗМАЙЛОВ (*остывая*). Сейчас вот брошу Россию спасать и займусь только вами!

ЛЕВЫКИН. Хава нагила, хава, нагила хава, вер из мир хи!

КЛАВДИЙ. Вот и прокол! Штирлиц перешёл на родную мову.

МАША. Пусть поспит.

КЛАВДИЙ. Может, телепортируем его на диван?

МАША. Давайте.

Подходит к ЛЕВЫКИНУ.

ИЗМАЙЛОВ (*отстраняя МАШУ*). Предоставьте уж это мне, Мария Львовна.

ИЗМАЙЛОВ и КЛАВДИЙ берутся за ЛЕВЫКИНА. МАША суетится рядом. В это время входит некто в плаще с поднятым воротником и шляпе, глубоко надвинутой на лоб. Первой неподвижно стоящего пришельца обнаруживает МАША. Она вскрикивает.

ИЗМАЙЛОВ. Что? (*Поворачивается и от неожиданности выпускает ЛЕВЫКИНА.*)

ЛЕВЫКИН. По диким степям Забайкалья!..

КЛАВДИЙ. Ну что же вы?.. (*Тоже замечает пришельца.*)

ИЗМАЙЛОВ. Что вам угодно? (*Намеривается подойти, но МАША испуганно удерживает его.*) Отвечайте же, чёрт побери!

Пришелец молча опускает воротник, снимает шляпу, и все видят БЕСТУЖЕГО.

ИЗМАЙЛОВ. Родион?..

КЛАВДИЙ. Господин президент! Что-нибудь случилось?

БЕСТУЖИЙ молчит.

МАША. Не молчите же!

БЕСТУЖИЙ (*не сразу*). Витю взорвали.

МАША. А!

Удерживая крик, зажимает рот рукой.

ИЗМАЙЛОВ. Что за вздор? Как это взорвали?

БЕСТУЖИЙ. Сообщили в новостях. «В результате взрыва погиб глава концерна «Роснега» Виктор Дубарев».

КЛАВДИЙ. Убрали всё-таки! (*Ударяет кулаком по столу.*) Убрали, гады!

ИЗМАЙЛОВ. Вот и всё. (*Садится в кресло.*) Доигрались.

КЛАВДИЙ. Вот гады, а!

ИЗМАЙЛОВ (*МАШЕ*). Перестань скулить. Плачь нормально. (*БЕСТУЖЕМУ.*) Где это произошло?

БЕСТУЖИЙ. В пригороде Лондона.

КЛАВДИЙ. Там штаб «Роснеги».

ИЗМАЙЛОВ. Вот и нужно было — сразу же в этот штаб!

КЛАВДИЙ. С вами никто не стал бы разговаривать.

ИЗМАЙЛОВ. Надо было заставить! А не с президентством этим идиотским связываться.

КЛАВДИЙ. Витя вас не послушал бы. Это был его план.

ИЗМАЙЛОВ. Какой, к чертям, план? Романтический вздор! Чушь! Глупость!

КЛАВДИЙ. Нормальный план. Просто мы не успели.

ИЗМАЙЛОВ. Зато на похороны не опоздаем.

БЕСТУЖИЙ. Шесть килотонн. От него, наверное, ничего не осталось.

МАША. А!..

Зажимает рукой рот.

ИЗМАЙЛОВ. Что-нибудь наскребут с асфальта... фрагменты, как теперь выражаются... Чёрт! Чёрт! Чёрт!

КЛАВДИЙ. Только без паники! Никаких похорон — нам нельзя светиться. (*Соображает.*) Так... Необходимо кое-что срочно проверить.

Бросается к компьютеру, начинает что-то набирать на клавиатуре.

ИЗМАЙЛОВ. Вот так вот, Машенька, кончено с Витей.

МАША. Я не могу!

Бросается к ИЗМАЙЛОВУ, плачет у него на груди.

КЛАВДИЙ. Наши счета в полном порядке. Витя успел перевести деньги.

ИЗМАЙЛОВ. Примите наши искренние поздравления!

КЛАВДИЙ. Вас удивляет моя реакция? Что не бьюсь в истерике, не колочусь головой об пол? Считайте, что колочусь.

МАША. Он мне вчера e-mail прислал... по электронной почте... Веселое такое...

ИЗМАЙЛОВ. Я же умный мужик! И как я, старый осёл, мог попасться на эти мальчишеские бредни? Избрать своего президента! Вмешаться в ход истории! Спасти страну! Чушь! Нужно было мальчика спасти, человека, а не эту Богом проклятую страну!

БЕСТУЖИЙ. Эта страна Богом не проклята, Георгий Константинович.

ИЗМАЙЛОВ. Проклята! Ещё как проклята!

БЕСТУЖИЙ. Неправда. Россию Бог не проклинал.

ИЗМАЙЛОВ. Да? *(Присматривается к БЕСТУЖЕМУ.)* Ты же у нас теперь философ! Говорят, и пить бросил?

БЕСТУЖИЙ. Не бросил, освободился.

ИЗМАЙЛОВ. Есть разница?

БЕСТУЖИЙ. Как между заключенными, один из которых сбежал, а другой освободился по закону.

ИЗМАЙЛОВ. Надолго ли освободился, вот в чём вопрос?

БЕСТУЖИЙ. Навсегда. Во всяком случае, протоплазматическим ядом нервнопаралитического действия отравлять себя не собираюсь.

ИЗМАЙЛОВ. Молодец. А я, пожалуй, отравлюсь... Знобит что-то.

МАША. Вам коньяку?

ИЗМАЙЛОВ. Водки! Помянуть надо. *(Смотрит на БЕСТУЖЕГО и КЛАВДИЯ.)* Вы, разумеется, пас, господа трезвенники?

КЛАВДИЙ. Разумеется. Это ж маразм по каждому поводу за рюмку хвататься.

ИЗМАЙЛОВ. Ты хоть от компьютера оторвись, моралист!

КЛАВДИЙ. Я должен работать, работать, работать!

ИЗМАЙЛОВ *(берёт рюмку)*. Ну, царствие ему небесное... Хотя... осознать это!.. *(Опрокидывает в себя рюмку. БЕСТУЖЕМУ.)* Что смотришь?

БЕСТУЖИЙ. Глупая традиция, дурная.

ИЗМАЙЛОВ *(срываясь в крик)*. Господин неофит!..

МАША *(с бутылкой)*. Ещё?

ИЗМАЙЛОВ. Хватит! Эти двое зырят... как вурдалаки. Действительно, словно яд проглотил.

КЛАВДИЙ. Так оно и есть. Есть! Вскрылось завещание! *(Читает.)* Моим дорогим друзьям: Георгию Константиновичу Измайлову, Родиону Родионовичу Бестужему, Марии Львовне Милоновой...

МАША. Уй!

Зажимает рот, сдерживая рыдания.

КЛАВДИЙ. Душеприказчику и распорядителю моей последней воли, другу Клавдию. В случае моей преждевременной гибели, завещаю...

ИЗМАЙЛОВ *(МАШЕ)*. Да не пищите же вы! Невозможно слышать.

МАША. Я не могу! *(Рыдая, припадает к груди ИЗМАЙЛОВА.)* Не могу!

ИЗМАЙЛОВ. О, Господи!

КЛАВДИЙ. Можно читать? Читайте. В случае моей преждевременной гибели...

ИЗМАЙЛОВ *(ревёт)*. Дальше!

КЛАВДИЙ. ...гибели, завещаю: первое — отомстить за мою смерть избранием нашего президента. Второе — использовать для этой цели все имеющиеся в распоряжении Клавдия финансовые средства. Третье — Виктория, Виктория и Виктория! *(Поднимает голову.)* Далее, господа, частности, но, по-моему, всё ясно — мы должны продолжать.

ИЗМАЙЛОВ. Ради кого? Ради Виктории? Которую мы и в глаза не видели?

КЛАВДИЙ. Такова последняя воля погибшего.

ИЗМАЙЛОВ. Вздор! Из-за этой глупой воли одного уже убили. Хотите продолжения?

КЛАВДИЙ. Витя знал, на что шёл...

ИЗМАЙЛОВ. Да ни черта он не знал! В том-то и дело. Он был совсем мальчик, несмышлёныш, птенец!

МАША. Он не думал о смерти! В письмах её не было!

ИЗМАЙЛОВ. Какая смерть? Он же был молод. Боже мой, как он был молод! А я, я!.. Старый дурак, осёл, бездарь!

КЛАВДИЙ. Успокойтесь. Нам не дано предотвращать судьбы удары роковые.

ИЗМАЙЛОВ. Я мог бы отговорить его от этого безумия. Сохранить! Увезти в глушь!..

КЛАВДИЙ. «В Саратов, к тётке!»... Вы меня простите, Георгий Константинович, но к чему эти бесполезные причитания?

БЕСТУЖИЙ. Клавдий прав. Слезами Витю не воротишь. Кстати, что в театре про него известно?

МАША. Ничего неизвестно. Георгий Константинович не велел распространяться...

БЕСТУЖИЙ. Это вы очень мудро велели.

ИЗМАЙЛОВ. На это меня, дурака, хватило.

МАША. Витю, кроме Якова Самуиловича, никто и не видел. Все в буфете сидели.

БЕСТУЖИЙ. Очень хорошо, что сидели. Значит, так... То, что я сейчас скажу, может прозвучать кощунственно, но... забудем о Вите! Усвоим раз и навсегда: никакого Вити здесь не было, мы его не знаем и никогда не знали. Равно — как и Роснегу!

КЛАВДИЙ. Поддерживаю! Нам ничего не угрожает, — гарантирую! — но на всякий случай...

БЕСТУЖИЙ. Мы должны молчать.

КЛАВДИЙ *(ударяя по клавишам ноутбука)*. И действовать!

ИЗМАЙЛОВ. Нет! Мне понятен ваш молодой азарт, но я не допущу ещё одной жертвы. Шутки кончились. К нам пришла смерть!

КЛАВДИЙ. Не стоит сгущать краски.

ИЗМАЙЛОВ. Стоит! Твои гарантии — чушь! Роснега не успокоится!

КЛАВДИЙ. С Роснегой кончено, Георгий Константинович!

ИЗМАЙЛОВ. Как так?!

КЛАВДИЙ. А вот так! Витя был не таким уж птенчиком, как вам представляется и, кроме предназначенного для нас завещания, оставил ещё одно, официальное. Оно обнародуется через две недели, и тогда все узнают, что Роснега со всеми своими счетами и филиалами завещана Витей государству, а точнее — будущему президенту России! Если же к сказанному добавить, что завещание будет сопровождаться довольно-таки солидным пакетом разоблачительных документов, то, надеюсь, ясно, что никаких расследований со стороны роснеговцев не последует — они всюду будут утыкаться в смачный Витин кукиш. *(Показывает кукиш.)* Накосся, выкуси!

МАША. Ура!

Невольно хлопает в ладоши и виновато замирает.

КЛАВДИЙ. Но относительно личных гонораров можете не беспокоиться — все прежние договорённости остаются в силе.

ИЗМАЙЛОВ *(горько)*. Спасибо утешили! Прямо камень с души свалился!

КЛАВДИЙ. Что вы сердитесь? Я должен был озвучить насчёт гонораров.

БЕСТУЖИЙ В денежных вопросах должна быть абсолютная ясность.

ИЗМАЙЛОВ. Неужели? И кто же интересно эту ясность наведёт? Уж не вы ли, господин коммерческий директор?

БЕСТУЖИЙ. Я уже не коммерческий директор.

ИЗМАЙЛОВ. А кто же вы? Ах, пардон, вы же наш президент, правда, ещё неизбранный! А позвольте полюбопытствовать, так сказать, ради упомянутой вами же ясности, какова сумма вашего личного гонорара?

БЕСТУЖИЙ. Мой гонорар — благополучие России. А вот по части вашего вознаграждения, уважаемый Георгий Константинович, я, извините, обязан заметить: оно мне представляется чрезмерно завышенным.

ИЗМАЙЛОВ. Даже так?! Крепко, однако! *(КЛАВДИЮ и МАШЕ.)* Вы не находите?

КЛАВДИЙ. Позвольте возразить, господин президент. Порядок в отчётности я вам, безусловно, гарантирую, но Георгий Константинович, право же, дорогого стоит. Если бы вы знали, какой он сегодня план отгрохал! *(ИЗМАЙЛОВУ.)* Можно рассказать?

ИЗМАЙЛОВ. Оставьте! На фоне Витиной...

МАША. Молчите! *(Прикладывает к его губам ладошку.)* Мы же договорились...

ИЗМАЙЛОВ. ...это такая глупость. Мне даже стыдно теперь.

КЛАВДИЙ. Но этот план сработает! Наверняка!

ИЗМАЙЛОВ. Ни черта он не сработает! И вообще! Если мы даже Ви...

МАША. Молчите!

Прикладывает к его губам ладошку.

ИЗМАЙЛОВ. ...спасти не смогли, где уж нам за спасение России браться.

МАША. Может быть, с Россией как раз и получится.

ИЗМАЙЛОВ. Вздор! И не затыкайте мне рот своей ладонью!

МАША. Вам она неприятна, да? *(Убирает руку за спину.)* Простите.

БЕСТУЖИЙ. Вы молодец, Маша! Следите за нами и дальше.

МАША. Я ведь не нарочно... Мы ведь должны привыкнуть не говорить о Вите... *(Зажимает испуганно рот.)* У самой вылетело.

БЕСТУЖИЙ. Ничего.

КЛАВДИЙ. Машенька у нас — прелесть! Кстати, по гениальному плану Георгия Константиновича она в вас безумно влюблена.

БЕСТУЖИЙ. Могу посочувствовать. Вы ведь, помнится, меня ненавидели.

МАША. Я не ненавидела, я...

БЕСТУЖИЙ. Ну, презирала. Впрочем, было за что, было.

МАША. Ну что вы?!

ЛЕВЫКИН. «Из-за острова на стрежень! На простор речной волны»... *(Просыпается.)* Где я? *(Встаёт, озирается, видит БЕСТУЖЕГО.)* Родиоша! *(С распростертыми объятьями бросается к БЕСТУЖЕМУ.)* Дорогой мой! Позволь!..

Лезет целоваться.

КЛАВДИЙ. Что за фамильярности с президентом России, гражданин Левыкин?

ИЗМАЙЛОВ. Смирно стоять!

ЛЕВЫКИН. А?.. *(Отпускает БЕСТУЖЕГО.)* Так мы же... все свои как бы?.. Или?.. А я пошутил! Тра ля ля, тра ля ля!

МАША. Вы ещё не проспались, Яков Самуилович. Ложитесь-ка снова...

БЕСТУЖИЙ. И вот ещё что... Не сочтите меня ханжой, но я не потерплю пьянства.

ЛЕВЫКИН. Я не пьянствовал! Я спецзадание выполнял!

МАША. Мы знаем, знаем!

ЛЕВЫКИН. И выполнил! К своему стыду и чести.

МАША. Валокордин с собой?

ЛЕВЫКИН. С собой.

БЕСТУЖИЙ. Что за спецзадание?

ЛЕВЫКИН *(вытягиваясь)*. Внедрялся в национал-патриотические круги с целью запуска дезинформации.

КЛАВДИЙ. По плану Георгия Константиновича.

БЕСТУЖИЙ. Кстати, о планах... Не надо всей этой театральщины... Наш стиль — скромность, чистота, честность...

ЛЕВЫКИН. Это же... рыцарский стиль... Я — «за»! «За»!

МАША. Сидите уж!

Удерживает ЛЕВЫКИНА.

БЕСТУЖИЙ. Народ подрублен обманами. Рухнет, и Россия не устоит.

ИЗМАЙЛОВ. Какая глубокая мысль! Вы бы записывали, господин биограф.

ЛЕВЫКИН. Я ловлю и запоминаю каждое слово! Каждое!

ИЗМАЙЛОВ. Тогда за новейшую историю я спокоен.

БЕСТУЖИЙ. Мне понятна ваша ирония, уважаемый Георгий Константинович. Понятно и то, что вы ещё долго не сможете относиться ко мне иначе. И, тем не менее, времени у нас на разминку нет. Давайте-ка начинать работать. Что попусту пикироваться?

ИЗМАЙЛОВ. Не могу я начинать работать. Материальных стимулов вы меня лишили. И, кроме того...

МАША. Молчите!

Тянется с ладошкой.

ИЗМАЙЛОВ. ... я хочу банально напиться и повить на луну. Желательно в полном одиночестве. Так что, прощевайте, господа хорошие!

МАША. Вы уходите? А как же Россия? Вы же хотели, чтобы был президент? Великой страны?..

ИЗМАЙЛОВ. Великой страны никогда больше не будет.

БЕСТУЖИЙ. Да полно вам заупокойную петь. Всё будет!

ЛЕВЫКИН. Россия бессмертна!

ИЗМАЙЛОВ. Да-да, конечно. *(Уходит, возвращается, утыкает пальцем в БЕСТУЖЕГО.)* Не верю!

БЕСТУЖИЙ. Мне пока вам возразить нечем. К сожалению.

ИЗМАЙЛОВ. Рыцарский стиль, чистота, честность! Друг мой Родиоша! Кого ты собираешься всем этим парить? Мой гонорар — благополучие России! Тебе самому-то не смешно? Твой гонорар — невеста! Которой ты, в глаза её не видя, продался со всеми своими потрохами! Вот твой стиль!

ЛЕВЫКИН. Так, пардон, это же и есть настоящее рыцарство — служить неизвестной даме!

БЕСТУЖИЙ. Никакой невесты не будет, Георгий Константинович.

ИЗМАЙЛОВ. Что? (КЛАВДИЮ.) Ты это слышал?

КЛАВДИЙ. Да. У нас уже заходил разговор на эту тему.

ИЗМАЙЛОВ. И что же?

КЛАВДИЙ. Мы сошлись на том, что главное для нас — победа.

БЕСТУЖИЙ. И необязательно при этом, чтобы она звалась Викторией.

ИЗМАЙЛОВ. Вон оно что!.. А вы лукавый человек, Клавдий... если не сказать хуже...

Последняя воля... Решили поставить на него?

Показывает на БЕСТУЖЕГО.

КЛАВДИЙ (уклончиво). Я поставил на харизму.

БЕСТУЖИЙ. Кстати, надо создать все необходимые условия для проведения действительно открытого конкурса. (ЛЕВЫКИНУ.) Обеспечьте, пожалуйста, полную прозрачность.

ЛЕВЫКИН. Слушаюсь!

БЕСТУЖИЙ. Если появится более достойный, я с радостью уступлю ему место. И второе: президент России не должен зависеть от чьего-либо денежного мешка. Даже от вполне дружеского. Это недопустимо. Поэтому мы создадим фонд «Наш президент» и при нём откроем народный акционерный банк, чтобы избиратели вкладывали деньги именно в своего президента. Выберут достойного, значит, их акции возрастут, ошибутся, стало быть, останутся ни с чем. Что скажете? По-моему, в этом простом механизме что-то есть?

ЛЕВЫКИН. Гениальный проект, гениальный! Народный акционерный банк! Голосуй рублём и сердцем! Гениально! Только неплохо бы вставить слово «инициативный» — наш народ это любит... Народный акционерный инициативный банк — замечательно, по-моему!

БЕСТУЖИЙ. Ну что ж, вроде бы, и действительно, неплохо...

ИЗМАЙЛОВ. Главное, аббревиатура подходящая.

ЛЕВЫКИН. Аббревиатура? (Проверяет.) НА, И... Бе. (Истошно.) Долой «инициативный», долой!

КЛАВДИЙ. А не жидо-масонские ли это происки, Яков Самуилович?

ЛЕВЫКИН. Клянусь! Синагогой, театром, чем угодно — нет!

ВСЕ, кроме ИЗМАЙЛОВА, смеются.

БЕСТУЖИЙ. Хороша клятва. Иоанн Златоуст, помнится, сказал: «что театр, что синагога — одно и то же». (Серьёзно.) А скажите-ка прямо, Яков Самуилович: тяжело еврею в России?

ЛЕВЫКИН (засмуцавшись). Терпимо.

КЛАВДИЙ. Поэтому и русским невтерпёж! (Обнимает испуганного ЛЕВЫКИНА.) Шутка, Яков Самуилович, шутка!

МАША. Только не слишком умная! Посмотрите, Яков Самуилович даже побледнел, бедненький.

Все обращаются к ЛЕВЫКИНУ.

ИЗМАЙЛОВ тем временем уходит.

ЛЕВЫКИН. Так ведь, как говорится, в каждой шутке...

МАША. Может, валокординчик примите? Водички дать?

КЛАВДИЙ. Да не пичкайте вы Якова Самуиловича лекарствами! С ними он точно до наших выборов не дотянет.

БЕСТУЖИЙ. Полноте! Он ещё всех нас переживёт! Правда, Яков Самуилович?

ЛЕВЫКИН. Буду стараться... если позволите...

МАША. Ну а водички я вам всё же дам. Я сегодня «Есентуки» купила...
(Поворачивается.) А где Георгий Константинович?

Смотрит на КЛАВДИЯ.

КЛАВДИЙ. Откуда же я знаю? Ушёл. Пока мы Яковым Самуиловичем занимались.

МАША. Георгий Константинович!..

Убегает.

ЛЕВЫКИН. Я не виноват... У меня правда... с сердцем... (Достаёт таблетку, глотает как доказательство.) мерцательная аритмия...

БЕСТУЖИЙ. Никто вас не винит. Ну а вообще-то, от еврейского вопроса нам не отмахнуться. Впрочем, для истинного православия его не существует. (ЛЕВЫКИНУ.) Вы согласны, что путь России неотделим от Православия?

ЛЕВЫКИН. На этот счёт я глубоко не задумывался. Я ведь, в сущности, не религиозен... Но, если хотите, я подберу соответствующие материалы?..

БЕСТУЖИЙ (раздумчиво). Прежде всего — Бог... Я всё больше и больше склоняюсь к этой мысли.

КЛАВДИЙ. Рад это слышать, господин президент.

ЛЕВЫКИН. Бог един... как говорится...

Входит МАША.

БЕСТУЖИЙ. Не догнали! По лицу вижу.

МАША. Догнала. (Начинает что-то бессмысленно перебирать на столе ИЗМАЙЛОВА.) Он больше не вернётся. (Садится, плачет.) Никогда.

ЛЕВЫКИН. Как? Вы хотите сказать, что он бросил театр? Не верю!

КЛАВДИЙ. И я не верю. Отдохнёт и вернётся!

ЛЕВЫКИН. Конечно! Театр же — это... всё!

МАША. Вы так думаете? А я уже так не считаю.

БЕСТУЖИЙ. Неужели вы нас бросаете? Не бросайте, прошу!

КЛАВДИЙ. Мы без вас пропадём, погибнем!

ЛЕВЫКИН. Вы же наша радость!

МАША. Всё равно уже в газетах напишут. (БЕСТУЖЕМУ.) Только не обманите меня! Нас всех не обманите! Хорошо?

БЕСТУЖИЙ. Не обману! (ЛЕВЫКИНУ.) Я хочу говорить с народом.

ЛЕВЫКИН. Объявить?

БЕСТУЖИЙ. В вашем состоянии лучше этого не делать. Поступим проще. Как только раздадутся аплодисменты, я выйду на сцену.

ЛЕВЫКИН. Это будет... фурор!

БЕСТУЖИЙ. Артисты, вероятно, в буфете? Мария Львовна, не сочтите за службу, попросите всех в зал.

МАША. А что сказать?..

КЛАВДИЙ. Скажите, президент зовёт.

МАША. Я так и скажу.

Уходит.

БЕСТУЖИЙ. У меня всё в порядке?

ЛЕВЫКИН. В идеальном! *(Нежно сдувает с плеча БЕСТУЖЕГО невидимую пылинку.)*
Может быть, будут какие поручения?

БЕСТУЖИЙ. Вы, кажется, пьесу начали?

ЛЕВЫКИН. «Наш президент»... Если позволите, конечно?

БЕСТУЖИЙ. Запретить я не могу... Только, помнится, от ваших творений всегда как-то немного пахивало... Нельзя ли на этот раз без душка?

ЛЕВЫКИН. Можно! Никакого душка, ни малейшего дуновения! Только мажор и кантаты! А... кто ставить будет? Измайлова же нет...

БЕСТУЖИЙ. Подумаем, кто, решим.

ЛЕВЫКИН *(с замиранием)*. А может, я сам... отважусь?..

БЕСТУЖИЙ. Ну а почему бы и нет. *(Прислушивается.)* Кажется, аплодисменты? Я не ошибся?

ЛЕВЫКИН. Вы не ошибаетесь!

Изо всей силы хлопает в ладоши.

БЕСТУЖИЙ выходит на авансцену.

За ним падает занавес.

БЕСТУЖИЙ *(после молчания)*. И вот говорю я вам: или падём, или воспрянем! Или загубим души свои, или спасёмся! Третьего не дано. Выбирайте!

Каким должен быть правитель России?

Не знаю. Но скажу одно: каким бы он ни был сегодня, завтра он должен измениться к лучшему! Потому что не родился ещё среди нас тот, кто был бы от рождения достоин великой России!

Уходит со сцены.

Затемнение.

Занавес поднимается. В кабинете, перед компьютером, сидит МАША. Из динамиков льётся приятная лирическая мелодия.

ГОЛОС ДИКТОРА. Радиостанция «Наш президент» продолжает свою работу. Только что к нам поступила чрезвычайно приятная новость. Премьера спектакля «Праправнук декабриста» выдающегося драматурга и режиссёра нашего времени Якова Самуиловича Левыкина будет транслироваться по всем телевизионным каналам без рекламных пауз.

МАША выключает радио и с листком бумаги выходит на середину. Она так увлечена, что не замечает вошедшего ИЗМАЙЛОВА, который молча наблюдает за ней.

МАША (*принимая театральную позу*). Вы хотите овладеть мною? Я знаю это, я читаю это по вашим нарочито суженным глазкам, которыми вы, словно остреньким буравчиками, просверливаете мои самые потаённые девичьи места, выискивая среди них самое слабое моё место. (*Своим голосом.*) Это невозможно! (*Театрально.*) Знайте же, что таких слабых мест у меня нет и быть не может. Вы только напрасно расточаете свой пылкий жар. Лучше бы употребили его на благое деяние, нужное нашей многострадальной России, как (*заглядывает в бумагу*) глоток свежего морозного воздуха выздоравливающему больному. (*Своим голосом.*) А это не вредно — морозный воздух больному? (*Театральным.*) Знайте же, мною овладеет лишь тот, кто принесёт на алтарь Отечества свою жизнь в жертву!

ИЗМАЙЛОВ. Как же он овладеет, если принесёт свою жизнь в жертву?

МАША. Георгий Константинович! Вы вернулись!

ИЗМАЙЛОВ. Что за чушь собачью вы тут бубните?

МАША. Это роль Марьяны из пьесы «Праправнук президента».

ИЗМАЙЛОВ. Учите, в надежде что кто-нибудь заболит?

МАША. Вы будете смеяться, но это произошло. У основной Марьяны — острый приступ хронического аппендицита. А кроме меня, никто этой роли не знает!

ИЗМАЙЛОВ. Значит, надо заменить спектакль.

МАША. Увы! Это невозможно. Его будут транслировать по всем каналам.

Вбегают взволнованный ЛЕВЫКИН.

ЛЕВЫКИН. И без рекламных пауз! Георгий Константинович, я не здороваюсь, потому что, к сожалению, не могу вам уделить и минутки внимания. В театре столпотворение. Весь бомонд у нас! Весь истеблишмент! И надо всех встретить, обласкать, приветить! Машенька, вам пора в гримерную!

МАША. Сейчас. Я так давно не видела Георгия Константиновича.

ЛЕВЫКИН. Он сам нас покинул! Мы не виноваты.

ИЗМАЙЛОВ. Вы не боитесь выпустить Марию Львовну?

ЛЕВЫКИН. А в чём дело? Мария Львовна прекрасно знает роль. Мы репетировали. Кроме того, я совершенно убеждён, что достоверней её никто не произнесёт отказ отщепенцу и ретрограду Измайловскому.

ИЗМАЙЛОВ. Измайловскому?

ЛЕВЫКИН. Только не воображайте, что это вам? У нас и без вас отщепенцев и ретроградов предостаточно? Марьяна, то есть Маша, разумеется, поторопитесь, поторопитесь!

Уходит.

ИЗМАЙЛОВ. Прости меня, Маша.

МАША. За что? Георгий Константинович!

ИЗМАЙЛОВ. Ты могла бы играть великих героинь, а тебе досталась роль какой-то Марьяны, у которой нет и не может быть слабых мест.

МАША. Хотите, я никуда не пойду, хотите, мы уйдём отсюда вместе? Сейчас же! (*Не дождавшись ответа.*) Ну, захотите же, мёртвый вы человек! (*Пугаясь.*) Простите, меня, Георгий Константинович!

ИЗМАЙЛОВ. Ступай, Маша, ступай.

ЛЕВЫКИН (*голос*). Ну нельзя же так, Мария Львовна! Я же не выдержу. У меня же сердце. Раньше я переживал только как автор, а теперь ещё и как режиссёр. Это же тройная нагрузка!

МАША. Дождитесь меня! (*Сталкивается с ЛЕВЫКИНЫМ.*) А почему тройная, Яков Самуилович?

ЛЕВЫКИН. Как? А ответственность за Россию?

Уходят.

Слышатся звонки, вдруг трубит труба и раздаются торжественные мажорные звуки.

ИЗМАЙЛОВ. Прощай, мой театр!

Достаёт из кармана пакет, подходит к столу, выдвигает ящик и начинает складывать в пакет бумаги. В руках у него оказывается пачка писем, перевязанная розовой лентой. ИЗМАЙЛОВ бросает пачку в пакет, передумывает, вынимает обратно, садится в кресло и дёргает за ленту. Письма разлетаются по полу. ИЗМАЙЛОВ встаёт на колени, собирает их и начинает читать. В это время входит молодая стройная женщина, удивительно похожая на ДАМУ-ВИДЕНИЕ в начале спектакля. Она с улыбкой смотрит на ИЗМАЙЛОВА. Он столбенеет.

ВИКТОРИЯ (*протягивает руки*). А вот и я!

ИЗМАЙЛОВ. Я не верил... Говорил, что мёртвых не бывает... Но... не верил!

ВИКТОРИЯ. Георгий Константинович! Я — не мама!

ИЗМАЙЛОВ. Что?! (*С ужасом вскакивает.*) Кто же ты?

ВИКТОРИЯ. Я — Виктория. Мамина дочь.

ИЗМАЙЛОВ. У неё не было дочери!

ВИКТОРИЯ. Была! Только это содержалось в глубокой тайне. Даже от вас.

ИЗМАЙЛОВ. Почему?

ВИКТОРИЯ. Я была нездорова. Можно сказать — не в себе.

ИЗМАЙЛОВ. Не в себе? (*Вглядывается.*) Этого не может быть!

ВИКТОРИЯ. Но теперь я поправилась. Совершенно! И мне так хочется жить! Я так долго таилась, страдала, мучилась, а сейчас мне так хорошо!..

ИЗМАЙЛОВ. Кажется, я схожу с ума.

ВИКТОРИЯ. Я вас напугала! Простите, бедненький! Мама очень любила вас, очень! Но она не смогла вырваться и умерла. А я вырвалась, и живу! Это такое счастье быть свободной, быть самой собой! После всех моих страданий, мук! Господи! Благодарю тебя, Господи! (*ИЗМАЙЛОВУ.*) Я, правда, ничего, да? Если я похожа на маму, значит, не просто ничего, значит, просто красавица! И значит, меня смогут полюбить, и я смогу! Я ведь имею право, как вы думаете? Ну, не молчите же, Георгий Константинович! Ну, скажите хоть что-нибудь!

ИЗМАЙЛОВ. Виктория... Значит, это ты — невеста?

ВИКТОРИЯ. Ну, конечно, я! Видите, совсем не уродина, как вы считали...

ИЗМАЙЛОВ. Мог ли я знать?!

ВИКТОРИЯ. Не могли! И никто не мог... кроме... (*Дотрагивается до ИЗМАЙЛОВА.*) Не печальтесь о Вите. Ему сейчас хорошо, очень хорошо, поверьте! (*Обнимает ИЗМАЙЛОВА.*) И любите живых, они того заслуживают...

ИЗМАЙЛОВ. Ви... Виктория!..

Обнимает ВИКТОРИЮ.

Слышатся звонки.

ВИКТОРИЯ. Кажется, пора в зал. А то кто-нибудь займёт моё место на этом наверняка глупом спектакле «Праправнук декабриста». Он, правда — праправнук?

ИЗМАЙЛОВ. Невероятно, но оказалось, что это так и есть. Нашлись подлинные документы!

ВИКТОРИЯ. Какой вздор, как вы говорите! Я ещё точно не решила, но, пожалуй, всё-таки предстану перед этим нашим президентиком. Думаю, будет забавно...

ИЗМАЙЛОВ. Ты хочешь, чтобы он... выполнил условие?..

ВИКТОРИЯ. К счастью, это совсем необязательно! Мы — свободные люди. А браки, как известно, свершаются на небесах... Им и доверимся! До встречи на спектакле, родненький!..

Целует ИЗМАЙЛОВА и уходит.

ИЗМАЙЛОВ садится в кресло, сидит ошеломлённый, потом встаёт и начинает ходить по кабинету.

Появляется КЛАВДИЙ.

КЛАВДИЙ. Здесь есть живые? (*Замечает ИЗМАЙЛОВА.*) Георгий Константинович! Душевно рад вас видеть! Тоже — на премьеру?

ИЗМАЙЛОВ. Не совсем.

Начинает собирать письма.

КЛАВДИЙ вынимает из кармана миниатюру и, уловив момент, кладёт её в ящик стола. Начинает помогать ИЗМАЙЛОВУ.

ИЗМАЙЛОВ. Спасибо, спасибо! Я уже всё собрал.

Подходит с письмами к столу и в ящике обнаруживает портрет. Берёт его в руки.

КЛАВДИЙ (*заинтересовано*). Витина мама?

ИЗМАЙЛОВ. Здесь его не было, Клавдий. И, пожалуйста, не делай из меня идиота. Пожалуйста!

КЛАВДИЙ. Уговорили! Я его выкрал у вас, Георгий Константинович. А теперь вернул.

ИЗМАЙЛОВ. Зачем?

КЛАВДИЙ. Выкрал зачем? Чтобы сделать копию. (*Понижает голос.*) Для нашего президента.

ИЗМАЙЛОВ. Зачем?

КЛАВДИЙ. Да он, похоже, влюбился! Чуть свободная минута — к компьютеру! Я копию-то виртуальную сделал. Не хуже, чем живая, получилась.

ИЗМАЙЛОВ. Хуже.

КЛАВДИЙ. В каком смысле?

ИЗМАЙЛОВ. Живая лучше.

КЛАВДИЙ. Ну, конечно, лучше. Только где ж её живую взять-то? *(Спыхватывается.)*
Простите!..

ИЗМАЙЛОВ. Влюбился, значит, ваш президентик?

КЛАВДИЙ. Как, однако, вы его называете! Ну типа того, да! Вроде как неосуществимый идеал нашёл. Откровенно сказать, меня это даже напрягает немного.

ИЗМАЙЛОВ. В связи с Викторией?

КЛАВДИЙ. Угу. Я, правда, рассчитываю на лучшее, но...

ИЗМАЙЛОВ. Значит, ты её ещё не видел.

КЛАВДИЙ. Кого?

ИЗМАЙЛОВ. Викторию.

КЛАВДИЙ. Нет. Викторию я пока ещё не видел.

ИЗМАЙЛОВ. А хотел бы?

КЛАВДИЙ. Спрашивайте! Очень хотел бы, очень!

ИЗМАЙЛОВ. Ну ладно, беги тогда!

КЛАВДИЙ. Куда?

ИЗМАЙЛОВ. На спектакль, куда же ещё?

КЛАВДИЙ. А я подумал... А вы придёте? На спектакль?

ИЗМАЙЛОВ. У меня такое ощущение, что я с него и не уходил.

КЛАВДИЙ. У меня, в общем-то, тоже. *(Уходит, возвращается.)* Не обижайтесь на меня, ладно!

ИЗМАЙЛОВ. Иди, иди!

КЛАВДИЙ уходит.

ИЗМАЙЛОВ *(садится в кресло)*. Римское имя!.. Чёрт подери! *(Вскакивает.)* Неужели и он?.. Да нет, не может быть... Но каков сюжет?!

Садится, сцепляет на затылке руки и мечтательно смотрит перед собой.

Вбегает МАША и застывает на пороге, видя знакомую и удручающую её картину.

МАША *(жалобно)*. Георгий Константинович! Опять?!

ИЗМАЙЛОВ. Маша? *(Вскакивает.)* Машенька! Любимая моя, настоящая! *(Обнимает.)* Не отпущу, не отдам! Радость моя сероглазая. Ни за что! Никакому Левыкину! Завтра же начинаем работать, завтра же!

МАША *(совершенно оглушённая)*. Вы рехнулись, да?

ИЗМАЙЛОВ. О-го-го! Ого!

Скачет по кабинету.

МАША. Не пугайте меня! Не надо...

ИЗМАЙЛОВ *(озорно)*. О-го-го! *(Но, видя неподдельный испуг Маши, быстро обнимает её.)* Ну что ты, девочка? Я здоров, здоров!

МАША. Здоровы? Тогда помогите Левыкину.

ИЗМАЙЛОВ. Это ещё зачем?

МАША. Он провалился.

ИЗМАЙЛОВ. Со спектаклем?

МАША. Нет. Пока только в яму. Её рабочие забыли закрыть. *(Берёт ИЗМАЙЛОВА за руку и ведёт на авансцену.)* Яков Самуилович, вы ещё здесь?

ЛЕВЫКИН (*голос*). Думаю, уже на том свете.

ИЗМАЙЛОВ. Там сбоку дверца. Открывайте и выползайте.

ЛЕВЫКИН. Пробовал. Не поддаётся.

ИЗМАЙЛОВ. Значит, как всегда, заложили. Ладно, сейчас я вас оттуда вытащу.

Уходит.

МАША (*ЛЕВЫКИНУ*). Наберитесь терпения. Валокордин с собой?

ЛЕВЫКИН. Кончился! Нет, это конец.

МАША. Дышите экономно. Мы вас спасём. (*Отходит от люка.*) Как он сказал? Родная, единственная! А почему сероглазая? Голубоглазая же! Значит, это он не мне? Опять с призраком разговаривал?

ЛЕВЫКИН. Мария Львовна, как там народ? Не аплодирует?

МАША. Зааплодирует ещё! Но он целовал мои руки, прижимал к своему лицу, говорил, что я настоящая, любимая. Нет, это он мне говорил, мне, Маше!

ЛЕВЫКИН. Что вы говорите? Я не слышу

МАША. Я — настоящая!

ЛЕВЫКИН. Вы будете большой актрисой, я вам предрекаю.

МАША. Главное, любимая! (*Кружится, останавливается.*) Мы будем очень счастливы, у нас будет много-много детей, и из любого сына или даже дочери он сможет воспитать президента. Ведь настоящего президента надо воспитывать и — в очень счастливой семье. Не в богатой, нет, а в очень и очень счастливой! Тогда он будет знать, что такое настоящая жизнь, будет к ней стремиться и ценить её! Жизнь — это ведь больше чем счастье. Жизнь — это возможность стать лучше! (*ЛЕВЫКИНУ.*) Вам там не холодно, Яков Самуилович? Где вы? Отзовитесь? С вами всё в порядке? Слышите, аплодисменты! Яков Самуилович! Вы живой? Яков Самуилович!.. (*Ревёт.*) Дорогой вы наш, плодовитенький!..

Плачет, причитая, у ямы.

Входят ИЗМАЙЛОВ и ЛЕВЫКИН.

Гремят аплодисменты.

ЛЕВЫКИН. Народ в восторге!

ИЗМАЙЛОВ. Маша! Ты почему плачешь?

МАША. Я думала, Яков Самуилович умер... в яме...

ЛЕВЫКИН. Левыкин не умрёт никогда! Наоборот! Слышите, кричат, зовут, требуют!

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Автора, автора!

ЛЕВЫКИН. Я здесь, здесь, я в восторге!

ИЗМАЙЛОВ. Не понимаю вашего восторга. Президент ушёл...

ЛЕВЫКИН. Как ушёл?

ИЗМАЙЛОВ. Да так! И вся его свита умотала. Такая, говорят, дрянь эта пьеса, одни кантаты да мажоры!

ЛЕВЫКИН. Всё. Это конец!

Хватается за сердце.

МАША. Он шутит, шутит! Президент говорить собирается...

ИЗМАЙЛОВ. А вы занавес не даёте!

ЛЕВЫКИН. Занавес! Занавес!

Падает занавес и гаснет свет. Когда он зажигается вновь, на авансцене стоит БЕСТУЖИЙ.

БЕСТУЖИЙ. Сегодня я получил письмо, и в нём, как обычно, фотографию, с просьбой пропустить её через Российскую харизму. Я имел право уклониться... конкурс давно закончился... но что-то меня увлекло... В результате я счастлив представить вам будущего президента нашей Великой России...

Занавес поднимается.

На экране годовалый малыш, делает свой первый шаг.

Все участники спектакля приветствуют его аплодисментами, и малыш идёт.